

ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

№ 14

ИЮЛЬ

1926 г.

Содержаніе:

	Стр.
Страшный звѣрь. Разсказъ Гр. Быстрова съ рис.	33
Колодезь мира и жизни. Восточное преданіе Н. Каразина съ рис. (окончаніе)	38
Императоръ и муха. Китайская легенда . .	45
Зеленая Дѣва Дондангенскаго замка. Изъ латвійской старины	46
150 лѣтъ независимости С.-А. Соед. Шта- товъ. Очеркъ съ рис.	48
Въ Дагомеѣ. Письмо изъ Африки съ фотогр.	51
Бой-скаутъ съ рис.	54
Юный филателистъ	56
Фотографъ-любитель	57
Большой конкурсъ „Фотографа-любителя“ . .	58
Обо всемъ понемногу:	
Ныряльщики за монетами. Письмо изъ Сингапура	59
Камбала. Очеркъ съ рис.	60
Величайшій памятникъ въ мірѣ	61
Самая древняя школа танцевъ	61
Фабрика по окраскѣ животныхъ	61
Самый юный пловецъ съ рис	62
Юморъ съ рис.	62
Рѣшенія задачъ	63

ПРИЛОЖЕНІЕ: „Сѣрый домикъ“, романъ Л.
Кормчаго, съ рис. Г. Дайбера, листъ 2-ой.

Рассказъ Гр. Быстрова.

— Главное, не забудьте, Тэдди, купить хоть пару быковъ!

— Есть, капитанъ!

— Признаться, я не охотникъ до солонины. Знаете, какъ это говорится? Ударъ разъ, ну, ударъ два. Но за что же до безчувствія? Такъ и съ солониною: хорошо съѣсть ее разъ, два, хоть десять разъ. Но положительно немислимо по цѣлымъ мѣсяцамъ довольствоваться одною солониною, и если только представляется удобный случай, надо запастись свѣжимъ мясомъ... Словомъ, постарайтесь, Тэдди, купить даже не пару, а трехъ или четырехъ быковъ. Да, да, купите четырехъ быковъ. Я думаю, и команда «Тильзита» не откажется отъ мяса зебу. Все-таки будетъ хоть какая-нибудь перемѣна.

— Такъ точно, капитанъ. Могу я идти?

— Разумѣется. Захватите съ собою парочку матросовъ порасторопнѣе и справьтесь съ дѣлами по-скорѣе. Значитъ, позаботитесь о возобновленіи запасовъ воды, — это разъ, потомъ подумайте насчетъ фруктовъ — это два...

— Купить четырехъ зебу — это три, капитанъ. Счастливо оставаться!

Съ этими словами штурманъ парохода «Тильзитъ», приплывшаго къ Коромандельскому берегу, поки-

нулъ каюту капитана и, выйдя на палубу, скомандоваль:

— Шестивесельный боть на воду! Фрицъ Штукергъ, Данъ, Холли и Янъ Янсентъ — со мной!

Минуту спустя боть, подгоняемый сильными толчками шести дружно поднимающихся и опускающихся весель, стрѣлою летѣлъ къ плоскому низменному берегу, поросшему колючими кустарниками и кудрявыми пальмами. Матросы весело болтали, а штурманъ Тэдди сидѣлъ на кормѣ, какъ истуканъ, и только время отъ времени начальственнымъ тономъ покрикиваль:

— Дружнѣе, дружнѣе, ребята! Что вы мотааете веслами, какъ бабы вальками? Разомъ, разомъ!

Но вотъ пройдена полоса бурновъ, вѣчно шумящихъ и пѣнящихся: боть словно перескочилъ черезъ барьеръ, скользитъ по тихимъ, какъ зеркало, водамъ. Еще минута, — весла подняты вверхъ, и суденышко врѣзывается, скрипя килемъ, въ прибрежную песчаную отмель.

Оставивъ четырехъ матросовъ сторожить лодку, штурманъ Тэдди съ тремя другими матросами отправился въ ближайшій туземный городокъ для совершенія предположенныхъ сдѣлокъ.

Первая часть порученій капитана Морленда была выполнена безъ ма-

лѣйшихъ затрудненій: туземцы за грошовую плату обязались снабдить судно потребнымъ количествомъ свѣжей питьевой воды и обязались доставить на бортъ «Тильзита» нѣсколько квинталовъ фруктовъ.

Что же касается второй и, какъ штурманъ думалъ, болѣе важной части порученія командира, т. е. приобрѣтенія четырехъ зебу или малорослыхъ круторогихъ быковъ индійской породы, то тутъ вышла маленькая заминка.

— Налицо имѣется только одинъ быкъ, — заявилъ штурману Тэдди старшина поселка, — и вы можете забрать его хоть сейчасъ. Но остальныхъ придется добывать. Если вашъ пароходъ простоятъ еще одинъ день, то мы уладимъ дѣло: завтра утромъ быковъ приведутъ на берегъ, и вы сможете забрать ихъ. Сегодня же берите только первого.

— А гдѣ онъ?

— Въ корралѣ.

— Ну, такъ идемъ туда.

И штурманъ, покручивая рыжіе усы, направился къ корралю, т. е. къ скотному двору, или, попросту, загону.

Матросы, идя характерной для моряковъ переваливающейся походкою и на ходу размахивая руками, словно молотя горохъ, послѣдовали за своимъ бравымъ начальствомъ.

Никому изъ нихъ еще ни разу не приходилось имѣть дѣло съ зебу; нѣкоторые въ первый разъ въ жизни даже слышали самое имя «зебу», и всѣ интересовались тѣмъ, что представляетъ собою индійскій быкъ.

Но вотъ и корралъ. Въ тѣни довольно-таки дряхлаго частокола, поблизости отъ приземистаго навѣса, стоялъ кривой столбъ, къ которому было привязано странное животное съ тонкими и короткими ножками, маленькою головкою, снабженною огромными рогами, массивнымъ туловищемъ и горбомъ на спинѣ.

Созерцая это животное, моряки обмѣнивались впечатлѣніями.

— Вотъ такъ штука! — говорилъ Холли. — Это у нихъ называется быкомъ? Здорово! Да будь у меня карманы немножко побольше, я бы зачихнулъ въ каждый карманъ по парѣ такихъ «быковъ».

— Очень похожъ на верблюда, — вставилъ свое замѣчаніе флегматичный голландецъ Янъ Янсенъ: — только ноги немного коротки.

— Правильно! Будь на полдюйма длиннѣе, совсѣмъ за верблюда сошелъ бы, — добавилъ начальственнымъ тономъ Тэдди, обращаясь къ шедшему рядомъ туземцу:

— Ну, я забираю это животное.

— Можетъ, послать пару пастуховъ, сагибъ? — освѣдомился индусъ.

— Это ради чего? — высокомерно спросилъ рослый штурманъ, поглядывая на щуплаго и низенькаго туземца съ высоты своего величія.

— А чтобы они, сагибъ, наши пастухи, довели зебу до берега и помогли вашимъ людямъ, сагибъ, положить его въ боть.

— Да, чтобы я далъ лодырямъ пару пиастровъ за то, что они будутъ дѣлать видъ, будто помогаютъ намъ! Обойдемся и безъ нихъ! Я самъ отвязу веревку отъ столба. Эй, Фрицъ! Забирай-ка скотину!

Фрицъ Штукеръ шагнулъ по направлению къ мирно лежавшему и тупо глядѣвшему въ землю зебу. Но едва матросъ коснулся веревки быка, какъ зебу вскочилъ и помчался. Фрицъ отлетѣлъ въ сторону.

Убѣжать зебу не могъ, потому что онъ былъ привязанъ къ столбу веревкою. Веревка натянулась, какъ струна, и быкъ мчался, описывая кругъ, центромъ котораго былъ столбъ. Янсенъ оказался между быкомъ и столбомъ. Послѣдствія не заставили себя дожидать: голландца зацѣпило веревкою, и онъ звонко шлепнулся наземь.

Великанъ - штурманъ, любившій похвастать своею силою и ловкостью, сердито обругалъ помощниковъ:

— Эхъ, вы, бабы! — крикнулъ

онъ. — Смотрите, какъ надо справляться! Разъ, два. и готово...

Въ самомъ дѣлѣ, все было готово. Но немного не такъ, какъ ожидалъ штурманъ, схватившій малорослага зебу за лѣвый рогъ.

Бычокъ мотнулъ маленькою го-

Пронзительный визгливый крикъ туземца сильно подѣйствовалъ на нервы матросовъ. Имъ показалось, что проклятый бычокъ сразу выросъ втрое, что у него изъ ноздрей дымъ пышетъ, а изъ глазъ искры сыплются.

Штурманъ, описавъ параболу въ воздухѣ, шлепнулся въ корыто.

ловкою съ невѣроятною силою, и штурманъ, описавъ параболу въ воздухѣ, звонко шлепнулся въ ближайшее корыто.

Въ то же мгновение веревка, сдерживавшая быка, лопнула.

— Спасайтесь, сагибы! — заоралъ туземный старшина, видя, что зебу оказался на свободѣ. — Быкъ съ ума спятилъ. Онъ всѣхъ перебодаетъ! Ай-а-ай!

Первымъ понялъ, что надо дѣлать, Фрицъ Штукертъ: съ поразительною ловкостью онъ взобрался на одинъ изъ столбовъ частокола, вполне резонно соображая, что у быка куда еще не могли успѣть отрасти крылья. Янъ Янсенъ послѣдовалъ за Штукертомъ и, естественно, старался держаться поближе къ товарищу, почему и уцѣпился за ноги Штукерта.

Дряхлый частоколы не выдержалъ тяжести двухъ матросскихъ тѣлъ и повалился. Бычокъ, испуганно метавшійся по корралю, сообразилъ, что ему предоставляется возможность удрать въ поле, и ринулся въ проломъ. По дорогѣ онъ наткнулся на барахтавшася въ корытѣ штурмана и боднулъ его рогами, распоровъ ему штаны. Покинувъ штурмана, зебу стрѣлою налетѣлъ на «заборныхъ обывателей», т. е. Штукерта и Янсена. Въ мигъ Янсенъ, стоявшій на четверенькахъ, былъ снова опрокинутъ и, падая, придавилъ всею тяжестью своего тѣла тщедушнаго Штукерта, который заоралъ благимъ матомъ, думая, что на него навалился не другъ, а врагъ въ образѣ взбѣсившагося зебу.

А зебу, неуклюже галопируя, забирался въ окружающіе корралъ колочіе кусты.

Съ удаленіемъ съ театра военныхъ дѣйствій грознаго врага, моряки довольно скоро оправались, убѣдившись, что имъ теперь не грозитъ ни малѣйшей опасности. Получившій пару лишнихъ піастровъ, старшина первымъ дѣломъ раздобылъ дратвы съ толстою иглою, приспособленною для шиванія цыновокъ, и помогъ штурману, проклинавшему всѣхъ быковъ въ мірѣ и нѣкоего капитана, зашить широкими стежками располованную штанину. Затѣмъ тотъ же старшина отрядилъ на изловленіе бычка пару туземцевъ, которые, о чудо, безъ всякихъ приключеній поймали зебу, скрутили его и привели на берегъ.

Увидѣвъ ботъ, зебу запротестовалъ, но дюжія руки подпихивали его со всѣхъ сторонъ, и животное скоро очутилось на днѣ бота, а четверть часа спустя было на таяхъ поднято лебедкою на бортъ «Тильзита», сначала прикручено къ одной изъ вертушекъ, а потомъ и водворено въ сколоченную изъ досокъ клѣтку.

Капитанъ Морлендъ выбрался изъ каюты, чтобы посмотрѣть на

покунку, и подошелъ къ клѣткѣ. Но въ это мгновеніе зебу наперъ крутымъ лбомъ на дряхлыя доски клѣтки, клѣтка рассыпалась, какъ карточный домикъ, и рогатое чудовище съ налитыми кровью глазами ринулось на своихъ мучителей, сокрушая все встрѣчавшееся на его пути на палубѣ «Тильзита».

Первою жертвою зебу палъ подвернувшійся не во-время парходный «кокъ», который тащилъ въ камбузъ штукъ двадцать фаянсовыхъ тарелокъ, изобразивъ изъ нихъ Эйфелеву башню.

«Кокъ» покотился въ одну сторону, Эйфелевая башня въ другую. И, разумѣется, фаянсовыя тарелки съ голубыми каемочками, грянувшись о доски палубы, рассыпались обломками.

Грохотъ бьющихся тарелокъ испугалъ сорвавшася быка, который поэтому метнулся въ другую сторону и подсадилъ рогами, собиравшагося полѣзть на мачту, должно быть, для астрономическихъ наблюденій, капитана. За капитаномъ пришла очередь плотника, за плотникомъ пострадалъ за свои политическія убѣжденія Гансъ Бухау, который получилъ пинокъ копытцемъ зебу въ животь.

Черезъ мигъ на всей палубѣ имѣлось только одно безпрепятственно двигавшееся и повсюду разгуливавшее существо: это былъ побѣдоносный индійскій бычокъ. Всѣ же его враги ретировались, кто куда смогъ и успѣлъ. Капитанъ сидѣлъ на мачтѣ и кричалъ:

— Принесите мнѣ ружье, я сейчасъ застрѣлю это проклятое животное. Сейчасъ же принесите мнѣ ружье!

Но никто не осмѣлился показаться изъ своего убѣжища.

Погулявъ на палубѣ, зебу остановился у борта, поглядѣлъ на море, катившее свои волны къ близкому берегу, мотнулъ хвостомъ, вѣроятно, посылая прощальный привѣтъ морякамъ, и...

И перепрыгнулъ черезъ бортъ.

Вы думаете, это была попытка покончить жизнь самоубийством?

Ничуть не бывало.

Сначала бычокъ погрузился въ воду, но потомъ всплылъ, и, усердно работая короткими ножками, поплылъ къ роднымъ берегамъ.

Увидѣвъ, что врагъ очистилъ палубу, капитанъ Морлендъ спустился съ своего обсервационнаго поста, сбѣгалъ въ каюту и выскочилъ на палубу съ ружьемъ въ рукахъ.

— Погоди же ты, индійская скотина! — кричалъ онъ внѣ себя. — Я тебя научу, какъ бодаться.

Морлендъ приложился и...

И не выстрѣлилъ.

Почему?

Да потому что сгоряча попросту позабылъ зарядить ружье. Покуда же морякъ опять сбѣгалъ въ каюту и зарядилъ свое смертоносное оружіе, зебу оказался такъ далеко, что стрѣлять было уже бесполезно.

Вечеромъ того же дня на боргъ судна явился индійскій старшина освѣдомиться, вкусно ли мясо зебу и нужно ли на завтра доставлять новыхъ бычковъ.

Капитанъ Морлендъ счелъ это за

насмѣшку и велѣлъ вытурить старшину, который только хлопалъ глазами и разводилъ руками, не понимая, «за что разсердился бѣлый сагибъ-капитанъ».

Утромъ «Тильзитъ» снялся съ якоря и ушелъ въ дальнѣйшій путь, не запасшись свѣжимъ мясомъ.

Неизвѣстно почему, но съ того дня бравый штурманъ Тэдди получилъ прозвище «Зебу», самъ капитанъ Морлендъ — имя «Гореадора» и «Астронома»...

Капитанъ полѣзъ на мачту.

Н. КАРАЗИНЪ.

Колодезь мира и жизни.

Окончаніе.

V.

Ханъ Девлетъ Кафирнигамскій, убійца святого Ходдай - Магомета, давно уже ждалъ каравана. Медленно двигалось жгучее солнце, медленно росли послѣполуденныя тѣни, — казалось хану, что и конца не будетъ этому длинному, томительному дню.

Тяжелымъ камнемъ лежало у него на душѣ убійство праведника, и скорбное сердце чуяло роковое возмездіе.

И то же сердце, въ то же время, билось иною тревогою. тревогою близкой радости, близкаго неземного счастья.

Казалось, свѣтъ и тьма боролись въ этомъ сердцѣ, и на лицѣ хана Девлета отражались всѣ подробности этой борьбы, вызывая по очереди то сурово-тоскливое выраженіе, то улыбку райскаго блаженства.

«Не отраву смертельную влиять я сюда, въ эту чашу, — говорилъ самъ съ собою Девлетъ... — только мирный сонъ, глубокій, сладкій, полный чудныхъ сновидѣній охватить отца твоего и его спутниковъ. Три дня и три ночи волшебный сонъ не выпуститъ ихъ изъ своихъ объятій, а ты, моя жизнь, моя радость, тѣмъ временемъ, далеко улетишь со мною, на моихъ быстроногихъ скакунахъ, улетишь ко мнѣ, въ мой дворецъ, гдѣ заступишь мѣсто моей единственной, горячо любимой жены - повелительницы. Я распущу весь гаремъ, я не хочу, чтобы другая женщина оспаривала у тебя твое право; ты одна, а съ тобою и все, что можетъ дать только рай въ бою убитому праведнику.

«Отецъ твой пойдетъ на меня войною, я знаю... Я выйду къ нему навстрѣчу безъ войска, одинъ съ тобою, я приму его не какъ врага, — какъ отца, моего повелителя; и суровое сердце его смягчится при видѣ твоего счастья. Что сдѣлано, то

сдѣлано: вернуть нельзя, и онъ проститъ насъ, особенно, если къ нашимъ рукамъ, протянутымъ къ нему съ мольбою, прибавятся еще двѣ маленькія ручонки.

«Два сильныя ханства, соединенныя вмѣстѣ, будутъ первенствовать надо всѣми остальными; отъ насъ будутъ зависѣть судьбы народовъ, отъ насъ исходить будутъ всѣ блага для вѣрныхъ, горе и смерть непокорнымъ. А тебѣ, святой старикъ, безразсудный упрямецъ, я воздвигну здѣсь высокую мечеть, я приведу сюда; въ мертвую пустыню, людей-земледѣльцевъ; они разроютъ пески, поднимутъ воды, рассадятъ тысячи деревьевъ и мертвое мѣсто превратятъ въ дивную цвѣтущую долину, и назову я долину эту и мечеть твоимъ святымъ именемъ».

Такъ думалъ ханъ Девлетъ, по вѣряя свои думы сыпучимъ барханамъ, пока сидѣлъ у колодезевъ и ждалъ прибытія каравана желаннаго.

А солнце словно остановилось на небѣ, словно раздумало склоняться на западъ, и жгучій, накаленный воздухъ замеръ, не колышется...

VI.

Уже звѣзды заискрились въ небѣ, когда подошли къ колодезю «Ми-

ра и Жизни» передовые всадники и слѣзли съ своихъ взмыленныхъ, усталыхъ коней.

— Благословенъ съ миромъ ѣдущій! — привѣтствовалъ ихъ мнимый старикъ, и всѣ подходили къ его благословенію и набожно пили изъ священной чаши.

— Благословенъ съ миромъ идущій! — привѣтствовала Девлетъ грознаго хана Саида, и тотъ не призналъ въ этомъ дряхломъ старцѣ своего юнаго врага и довѣрчиво приложилъ свои сухія уста къ краямъ сосуда.

Всѣ напились вволю, всѣ, — и воины, и слуги, и рабы, и жены ханскія, и ихъ прислужницы, — только красавица Ліа и ся Джанымъ помнили уговоръ послѣдней и не коснулись протянутой къ нимъ отравленной чаши.

Не успѣли рабы и слуги развьючить верблюдовъ и разсѣдлатъ коней, не успѣли разставить шатры и разостлатъ ковры ярко-цвѣтные, какъ одолѣлъ ихъ волшебный сонъ... и, словно поле битвы, усѣянное мертвыми тѣлами, такъ усѣялись спящими окрестности колодца «Мира и Жизни».

Не слышали они ни звонкаго ржанія коней, ни рева забытыхъ сбившихся въ кучу верблюдовъ, ни громкаго крика испуга красавицы Ліа, когда старый, сгорбленный стражъ колодца протянулъ къ ней свои объятія.

— Ліа, моя Ліа! Не бойся!... Это я, твой Девлетъ... Обними же, поцѣлуй меня, моя радость, мое счастье!...

— Не подходи, гадкій старикъ! Прочь!... — кричала, отбиваясь, Ліа. — Мой Девлетъ молодъ и статенъ. Онъ будетъ здѣсь и страшно накажетъ тебя, забывшаго стыдъ и старость.

Засмѣялся Девлетъ, отступилъ назадъ и произнесъ:

— Ты подъ личиною старости не узнала своего жениха, не узнала молодого, статнаго Девлета... Смотри, какъ исчезнетъ эта скверная личина, смотри, какъ помолодѣетъ этотъ

дряхлый старикъ... Нѣсколько капель воды — и сойдутъ эти лживыя морщины; движеніе руки — и слетитъ эта сѣдая борода... Смотри!

Страшный крикъ боли и отчаянія огласилъ степь на далекое пространство. Сильная рука Девлета не могла сорвать ложную бороду: она приросла къ его лицу... Лживыя морщины углубились и вросли въ живое тѣло... Согнутая спина не разогнулась; слабыя, разбитыя ноги не окрѣпли вновь... Только сердце Девлета еще кипѣло молодою жизнью, билось молодыми стремленіями, молодою, жгучею страстью...

— Проклятый старикъ! — захрипѣлъ Девлетъ и поднялъ сухіе, сжатые кулаки къ ночному, усѣянному звѣздами, небу.

И слышитъ Девлетъ, что въ сторонѣ, у самаго колодца, кто-то тихо смѣется... Смотритъ туда, а старикъ Ходдай-Магометъ, убитый имъ вчера и зарытый въ глубокой песокъ, сидитъ снова на своемъ насиженномъ мѣстѣ и показываетъ ему рукою на востокъ, гдѣ надъ темнымъ краемъ ночного неба, въ ту минуту, вчерашняя красная звѣзда поднималась...

Съ новымъ крикомъ проклятія кинулся на него Девлетъ, но призракъ безплотенъ и гнѣва не боится земного... Словно утреннее марево, съ восходомъ солнца, исчезъ образъ Ходдая-Магомета... и одинъ остался Девлетъ-ханъ посреди цѣлаго лагеря спящихъ сномъ трехдневнымъ.

Тогда отчаяніе овладѣло наказаннымъ, проклятымъ Богомъ убійцею: онъ бросился къ своимъ конямъ, вскочилъ въ сѣдло и понесся въ пески, безъ разбора, безъ цѣли, бросивъ поводья... Крикомъ, свистомъ и ударами плети гналъ онъ безпощадно коней, и все ему чудилось, что за нимъ, прыгая, какъ сайгакъ, съ бархана на барханъ, несется призракъ стараго Ходдая-Магомета, преслѣдуя его невыносимымъ злобнымъ, насмѣшливымъ, старческимъ смѣхомъ.

VII.

Заждались молодого хана въ Кафирнигамѣ. Давно бы пора ему вернуться — общалъ черезъ недѣлю, не больше — вторая къ концу подходитъ... Нѣтъ, какъ нѣтъ... И стража, на башняхъ высокихъ, глаза проглядѣла.

Грозенъ ханъ молодой, никому не велѣлъ слѣдить за собою, не сказалъ, куда уѣхалъ, — не знаютъ теперь, гдѣ его разыскивать надо.

И запало въ душу кафирнигамцевъ страшное сомнѣніе:

Живъ ли ихъ юный правитель? Цѣла ли его голова — кто знаетъ? Можетъ быть, давно заметаютъ песокъ его бездушное тѣло?

Собрались на совѣтъ всѣ старшины, аксакады, помощники ханскіе; что дѣлать — не знаютъ... Ждать терпѣливо — душа противится, мучить тоскливое сомнѣніе...

Волнуется народъ на базарной площади, и у тѣхъ правителей за своего хана любимаго отчета требуютъ...

Пришелъ тѣмъ временемъ къ городскимъ воротамъ древній старикъ безобразнаго вида... Глаза его горять, какъ у помѣшаннаго; трясутся костлявыя руки, тощія ноги служить отказываются... Сгорбилась спина, будто ноша тяжелая виситъ за плечами, гнетъ къ землѣ своею непосильною тяжестью... И дивныя рѣчи этотъ старикъ говорить:

— Иль не узнали меня? Хорошенько взгляните... Будто бы такъ ничего и не осталось отъ прежняго?... Я — вашъ ханъ Девлетъ — самимъ Богомъ наказанный. Отнять у меня возрастъ мой юный, отняты мощь и краса, но сана моего никто съ меня не снималъ. И теперь вы мнѣ, какъ и прежде, подвластны. Смотрите сюда, на этотъ палецъ!... Не узнаете, что ли, печати моей властной? Зовите старшинъ, бейте въ набатъ, отворяйте настежь ворота дворца моего!... Ведите меня на покой — измученнаго, усталаго...

Молчитъ народъ ошеломленный. слушающа странныя рѣчи пришельца. А вѣсть о тѣхъ рѣчахъ, словно молнія, всѣ углы Кафирнигама облетѣла.

Пришли старшины.

— Да не отъ тебя ли мы узнать должны о нашемъ дѣйствительномъ ханѣ? Только съ головою своею могъ онъ другому отдать свою властную печать! Не ты ли, проклятый небомъ, его окаянный убійца?

Зародилось чуть это подозрѣніе, а уже народныя толпы отъ гнѣва дрогнули, — и ропотъ глухой прокатился грозно подъ базарными сводами:

— Къ допросу! На судъ! На пытку!

— Ханъ нашъ на коняхъ вороныхъ выѣхалъ, говорятъ; что же ты пѣшій вернулся?

— Кони отъ усталы пали... Тамъ — далеко, въ песчаной пустыни, съ сѣдлами, съ сбруею всею валяются...

Поскакали гонцы; назадъ вернулись, говорятъ:

— Вѣрно! Нашли палыхъ коней; вотъ, и сбрую всю въ цѣлости привезли драгоцѣнную.

Окружили старика вооруженною стражею... Рвется народъ въ слѣпой злобѣ, ножи заблестали въ рукахъ... Дѣти малыя и тѣ взялись за камни... Насилу справляются старшины, говорятъ:

— Погодите!... Съ казнью поспѣемъ. Прежде въ чемъ дѣло выпытаемъ. Если не самъ онъ убійца, такъ посланъ ими... Если безуміемъ одержимъ, такъ откуда же кони ханскіе, откуда у него печать властная?...

Повели старика и заперли въ башнѣ. А тотъ бѣснуется, бранить всѣхъ, обзываетъ словами позорными и всѣхъ казнить собираетъ.

Безумный старикъ! Самъ себѣ страшную участь готовить

Только мрачныя стѣны тюремной башни видѣли, что тамъ въ эту ночь творилось... Какія мученія

переносило это дряхлое тѣло... Къ утру изнемогли усталые палачи...

Не добились сознанія.

Очерствѣли сердца судей — убѣжденіе въ гибели хана утвердилось; приговоръ къ смертной казни составили. Полуумнаго на площадь передъ народъ вывели и на лобное мѣсто поставили...

Всю ночь молили ханъ Девлетъ злополучный о смерти и прощеніи, перенося неслыханныя страданія, — и зналъ, что никакія раны ни на шагъ не приблизятъ его къ желанной, радостной смерти...

Весь покрытый кровью, избитый, истерзанный предсталъ онъ передъ своимъ когда-то покорнымъ народомъ, — и самъ покорно склонилъ подъ топоръ палача свою державную голову...

Взмахнуло высоко кривое желѣзо, блеснуло всѣмъ въ очи на солнцѣ — и опустилось съ глухимъ ударомъ...

Клялся палачъ, что не выдало желѣзо, — насквозь прошло шею казненнаго и глубоко въ плаху врѣзалось...

Поднялся на ноги невредимо старикъ, и народныя волны отхлынули въ ужасъ, творя молитвы и заклинанія, а старый Казы повелѣлъ:

— Оставьте его... Онъ проклятъ!... Не глядите на него, не прикасайтесь!... Самъ дьяволъ посѣтилъ насъ въ образѣ этого старца, а противъ злого духа, кромѣ молитвы, ничто не властно...

И сталъ съ того утра, какъ зачумленный, бродить по городу несчастный ихъ ханъ; всѣ бѣжали при его приближеніи и по домамъ прятались...

— Нѣтъ, въ пустыню бѣжать! дальше отсюда, въ мертвые, сыпучіе пески... Лучше, если глаза мои ничего этого не будутъ видѣть... Легче, если и голосъ человѣческой не будетъ достигать моего слуха!... Будьте вы прокляты всѣ, какъ я проклятъ Всемогущимъ Аллахомъ!

Такъ рѣшилъ ханъ Девлетъ зло-

получный и побрелъ отъ городскихъ стѣнъ далеко въ пустыню...

VIII.

Долго шелъ онъ, томимый жаждою, подъ палящимъ зноемъ, и тайная сила вела его къ колодезю «Мира и Жизни».

— Гдѣ же онъ, этотъ колодезь? Гдѣ ты, мѣсто преступленія?

— Здѣсь! — отвѣтилъ незримый таинственный голосъ.

Высокіе сыпучіе барханы кругомъ, не видать закоптѣлаго верха кибитки-жилицы святого старца; нигдѣ не чернѣетъ благодатное отверстіе — хранилище священной влаги.

— Здѣсь, подъ этими мертвыми, глубокими песками... — все шепчетъ невидимый голосъ.

И чудится Девлету, что голосъ этотъ знакомый; отрадою и покоемъ вливаются звуки въ его наболѣвшую душу. Его воспаленные глаза оживились первою слезою... Лучъ надежды на прощеніе блеснулъ гдѣ-то далеко-далеко, — слабо какъ первая звѣздочка на потухающемъ небѣ въ минуту заката солнечнаго...

— Аллахъ, Ты не можешь карать безъ конца! Ты милосердъ, и въ Твоемъ всеобъемлющемъ сердцѣ нѣтъ мѣста упорному мщенію! Помилуй меня, помилуй!... Великій я грѣхъ совершилъ!... Нѣтъ названія, нѣтъ мѣры моему злодѣянью... Безмѣрно жестоко и наказаніе, Тобою ниспосланное... Лія моя, невинная, чистая Лія, заступись за меня передъ Богомъ! Ты свѣтлый ангелъ теперь!... Ты простила!... Проси Всевышняго о моей смерти и вѣчномъ покоѣ... Проси прекратить мои непосильныя страданія...

Такъ молился Девлетъ, поднимая къ небу свои тощія руки, оглашая пустыню стопами и рыданіями...

И видитъ онъ, будто на гребнѣ высокаго бархана свѣтлымъ облачкомъ мелькнула легкая тѣнь.

Мало-по-малу это облачко приняло чудную форму. Свѣтозарное лицо — образъ Ліи — ясно пред-

стало предъ глазами молящагося, и чудный голосъ, голосъ неба, снова прозвенѣлъ въ жаркомъ воздухѣ:

— Я жажду... Напой меня... Дай мнѣ чашу съ водою...

Легкое видѣніе будто съ мольбою протянуло къ нему свои воздушныя руки...

— Здѣсь нѣтъ воды... — поникнулъ головою Девлетъ.

— Она была...

— О, не кори меня — ты... Не упрекай, не добавляй чаши моихъ страданій, она уже и такъ переполнена!...

— Тогда ты напоилъ всѣхъ... Меня лишь обошелъ чашею... Повторяю опять: я жажду — утоли мою жажду, и Аллахъ пошлетъ тебѣ спасеніе.

— Гдѣ я возьму воды? О, я, несчастный!...

— Тамъ, подъ глубокими песками... Разрой ихъ, очисти святой колодезь, добудь благодатную влагу... Этотъ подвигъ повелѣваетъ тебѣ свершить Аллахъ...

— Гдѣ силы на такое дѣло, гдѣ людей я возьму, гдѣ время?

— Руками разрой... одинъ.

— Это выше силъ смертнаго.

— Ты безсмертенъ.

Снова укоръ... Новое безпощадное напоминаніе...

— Повинуюсь! — прошепталъ Девлетъ и опустился на колѣни; глубоко вонзились въ песокъ его костлявыя руки... Затуманили слезы глаза, и затянуло все этимъ туманомъ...

Исчезъ образъ Ліи... Только, словно перезвонъ замирающихъ вдали колокольчиковъ каравана, донеслось:

— Вѣра и любовь горами двигаютъ...

Рыль Девлетъ. рыль... Безъ устали, не глядя по сторонамъ... Сухой, горячій песокъ осыпался, вновь заполняя вырытое... Слышитъ, кто-то тихонько смѣется — тоже голосъ будто знакомый... Вздрогнулъ ханъ — взглянулъ и

обдало его предсмертнымъ холодомъ.

Сидитъ на гребнѣ бархана убитый Ходдай-Магометъ, черепъ расколотъ на-двое, — кровь и мозги текутъ по лицу... Сидитъ страшный призракъ и хохочетъ, глядя въ упоръ на Девлета...

— Рой, безумецъ, рой!... Глумится надъ тобою святое Провидѣніе; копайся какъ червь, жалкая жертва глумленія... Несчастный! Ты и повѣрилъ голосу съ неба!... Нѣтъ, — это темныя силы пустыни издѣваются надъ тобою... Рой!... Что же ты остановился?... Смотри — не зѣвай... Вонъ отъ твоей работы скоро и слѣда не останется... Рой! Копайся! Что же ты медлишь?...

— Сгинь, искуситель... — простоналъ ханъ Девлетъ.

— Смотри, вонъ яма твоя съ краями уже сравнялась... Смотри, вонъ новые пески со всѣхъ сторонъ надвигаются... Не плошай... Не террай напрасно времени...

Хохочетъ призракъ на гребнѣ бархана, и далеко по степи этотъ адскій хохотъ разносится, пугая сайгачью стаю... А ночь наступать... Спустилось багровое солнце, и жаромъ удушливымъ пышутъ раскаленные за день барханы.

Сомнѣніе закралось въ душу искушаемаго... Охваченный этимъ сомнѣніемъ, Девлетъ оставилъ свою работу.

Грозно поднялъ онъ голову къ небу, на изсохшемъ языкѣ заиграло было богохульное слово...

— Я жажду... Я страдаю, Девлетъ... Вѣра и любовь горами двигаютъ...

— Кто сказалъ?... Кто?... Опять... О, спаси меня ты, мой небесный покровитель!...

Всю ночь рыль, безъ остановки, опомнившійся ханъ; всю ночь голосъ дьявола рвался ему въ уши, силась и въ сердце проникнуть...

Къ разсвѣту уже по поясъ стоялъ онъ въ вырытой ямѣ... Повѣяло прохладой, признакомъ близкаго утра; сонъ сталъ смыкать очи не-

счастливаго; нѣтъ силъ противиться сну...

Поднялось солнце, незримое въ тяжелыхъ тучахъ, вѣстникахъ урагана; свистъ и вой понеслись по степи. Закурились вершины бархановъ, двинулись съ мѣста горы песчанья... Закружило, замело... и въ ревѣ бури ясно слышался голосъ искусителя...

Очнулся Девлетъ — и слѣда нѣтъ отъ его работы. На эти горы — новыя горы намело... Въ мутномъ удушливомъ воздухѣ слышенъ удаляющийся гулъ урагана, а съ нимъ и торжествующій голосъ сатаны:

— Гдѣ же твои небесныя силы? Вѣдь бури земныя имъ также подвластны!... Что же? Поройся еще, несчастный! Что же ты сталъ? Теперь уже немного осталось...

— Я жажду... Я страдаю, Девлетъ! Вѣра и любовь горами двигаютъ... — чуть послышалось снова.

И снова подогнулись колѣни злополучнаго хана, снова его костлявыя руки вѣзались въ сыпучій песокъ...

Вдругъ кто-то тронулъ его за плечо.

Ходдай-Магометъ стоитъ, склонившись надъ нимъ, — но этотъ не тотъ, что сидѣлъ и смѣялся тамъ, на гребнѣ бархана, — этотъ смотритъ на него съ любовью, спокойно и величаво, какъ тогда, когда подносилъ спутникамъ святую чашу. Говоритъ ему Ходдай:

— Ты не понялъ, сынъ мой, воли небесъ... Не этими жалкими «своими руками» ты долженъ свершить великій подвигъ... Я простилъ тебѣ давно, сынъ мой заблудшій, давно предстою за тебя передъ лицомъ самаго Бога, — отъ него и посланъ теперь разъяснить тебѣ, темному, Его святую волю. Иди отсюда, — иди, гдѣ больше народу, — проповѣдуй по городамъ и селеніямъ истины вѣры, покайся во всемъ... По грошамъ собирай жертвы, склоняй народъ именемъ Божіимъ, тронь ихъ сердца и во главѣ несмѣтныхъ толпъ работниковъ-богомольцевъ, съ кимтенями и лопата-

ми, возвращайся сюда и начинай работу очистки... Великій подвигъ свершишь, тогда искупишь вину свою и заслужишь полное помилованіе... Иди отсюда съ миромъ!

Повѣрилъ Девлетъ и пошелъ... Долго ли шель, не помнилъ, — слышитъ глухое жалобное рыданіе...

Боже, это голосъ Ли... Это она плачетъ... И слышатся слова сквозь слезы:

— Гдѣ твоя вѣра? гдѣ любовь? Только онѣ горами двигаютъ...

Прояснилось въ головѣ хана Девлета... Ясно ему стало коварство искусителя... Быстро вернулся онъ на мѣсто покинутой работы.

— Что же ты, маловѣрный? — снова предсталъ передъ нимъ Ходдай-Магометъ...

— Сгинь, сатана! Сгинь, проклятый призракъ... Зачѣмъ ты принялъ личину святого старца... Сгинь... «Вѣра и любовь горами двигаютъ».

И слышитъ Девлетъ, какъ окрѣпъ его голосъ, какимъ громомъ прогремѣлъ онъ въ пустынѣ, съ мощною силою забило сердце, — и едва только руки коснулись песка, какъ самъ песокъ побѣжалъ прочь, расползался во всѣ стороны, словно въ бездонную пропасть уходилъ внизъ, въ глубину, и свѣтлая, серебристая, холодная струя рванулась ему навстрѣчу... Брызнула ему прямо въ лицо... Живымъ потокомъ побѣжала по склону бархана... Поверхность воды, словно зеркало, отразила синее небо, отразила и лицо его, хана Девлета, лицо прежнее, молодое, полное красоты и жизни... Нѣжныя руки обвили ему шею...

— Прощень, прощень! — вскрикнулъ онъ, охваченный порывомъ неземнаго счастья.

— Прощень! — повторилъ около него голосъ Саида-Ширъ-Али, грознаго хана Мозашерифа.

Очнулся Девлетъ... Видитъ знакомое мѣсто... Многолюдный караванъ кругомъ, роскошные шатры разбиты... Самъ онъ лежитъ на дорогомъ коврѣ, въ тѣни шелковаго

навѣса, около него его красавица Лиа, окруженная прислужницами. Ханъ Саидъ сидитъ тутъ же и ласково смотритъ на него, жениха

тебя многому научить... Живи и царствуй во имя «вѣры и любви» на счастье твоему народу...
— Святой отецъ! — прошепталь

— Прощень! Прощень! — воскликнулъ онъ.

своей любимицы-дочери... А святой старикъ, Ходдай-Магометъ, протягиваетъ ему чашу съ водою и говоритъ тихо, такъ тихо, что только одинъ Девлетъ его слышитъ:

— Я провѣдалъ твой замыселъ... Я напоилъ тебя твоимъ же питьемъ раньше, чѣмъ ты смогъ исполнить свой черный замыселъ. Во время сна твоего я смягчилъ сердце хана Саида. Будь счастливъ и помни твой страшный сонъ — этотъ сонъ

въ отвѣтъ ханъ Девлетъ и поцѣловалъ полу рубица Ходдая-Магомета, отеревъ ею свои очи, полныя слезъ умиленія и счастья.

Такое событіе случилось на колодцѣ «Мира и Жизни», нынѣ названномъ колодцемъ «Люби и Вѣры».

Записано со словъ хранителя гробницы Термеза на Аму-Дарьѣ въ Келифскомъ бекствѣ.

Императоръ и муха.

Китайская легенда.

Ежедневно, покончивъ съ дѣлами, Ли-Та-Ку, императоръ Китая, выходилъ въ сады, окружавшіе дворець, и проводилъ здѣсь все свободное время, любуясь цвѣтами и деревьями. И было на что полюбоваться: въ императорскихъ садахъ росли всѣ цвѣты и деревья, какія только существуютъ на свѣтѣ, и цѣлый штатъ садовниковъ ухаживалъ за ними. Императоръ самъ выбиралъ садовниковъ и интересовался цвѣтами гораздо больше, чѣмъ государственными дѣлами. Онъ любилъ всѣ благоухающіе цвѣты, птичекъ, бабочекъ, даже маленькихъ кузнечиковъ, прячущихся въ травѣ; онъ внимательно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы не раздавить ни одного изъ нихъ. «Все живое надо любить и беречь, начиная съ простенькаго цвѣточка и мельчайшаго насѣкомаго» говорилъ онъ часто.

«Какъ знать, не будутъ-ли они намъ въ чемъ-нибудь полезны?»

И теперь, выходя въ сопровожденіи своихъ придворныхъ въ садъ, онъ снова повторилъ то-же самое.

Ли-Та-Ку остановился около синяго лотоса, протягивающаго свои тонкіе изрѣзанные листья къ солнцу. Стража и свита тоже остановились. Императоръ увидѣлъ, что громадный паукъ сплелъ свою паутину между двумя цвѣтками лотоса, и маленькая мушка запуталась въ ней и испуганно билась, стремясь освободиться.

Императоръ осторожно освободилъ плѣнницу со словами: «Лети, лети и будь осторожнѣ.»

Свита переглядывалась съ такимъ видомъ, точно спрашивала, не сошелъ ли императоръ съ ума, если занимается освобожденіемъ мухъ изъ паутины.

Ли-Та-Ку направился дальше и, свернувъ на заросшую розами и виноградомъ тропинку, совсѣмъ не замѣтилъ, какъ оставилъ свою свиту далеко позади себя.

Беззаботно прилегъ онъ на мягкій мохъ, закрылъ глаза и вскорѣ заснулъ. И вдругъ надъ его головой послышалось тихое жужжаніе, становившееся

все слышнѣе: маленькая мушка кружилась и шекотала его своими крыльшками. Ли-Та-Ку, не открывая глазъ, отмахнулся и задѣлъ себя по щекѣ.

Отъ этого удара онъ проснулся.

— Злая муха, — началъ императоръ: — ты, какъ двѣ капли воды, похожа на ту, которую я освободилъ изъ паутины. И это твоя...

Онъ не успѣлъ докончить, какъ какой-то шорохъ привлекъ его вниманіе. Изъ зарослей розъ дикаго винограда доносился шопотъ:

— Итакъ, рѣшено. Сегодня вечеромъ, — сказалъ одинъ голосъ. — Да, — отвѣтилъ другой, — все готово. У дверей императорской спальни стоятъ только два стража, съ которыми легко справиться. Спящаго же императора мы спокойно сможемъ увезти, а когда освободится престоль...

Затаивъ дыханіе, Ли-Та-Ку раздвинулъ осторожно кусты и увидѣлъ двухъ своихъ гвардейцевъ. Опеломленный всѣмъ слышаннымъ, онъ сейчасъ же подумалъ: «Если бы маленькая мушка не разбудила меня, я сталъ бы жертвой заговора. Она же спасла меня.»

Императоръ пошелъ обратно той же дорогой, а навстрѣчу ему уже спѣшила его свита.

— Ваше Величество, — могъ только вымолвить толстый канцлеръ, обезпокоенный долгимъ отсутствіемъ императора.

— Позвать начальника полиціи! — распорядился Ли-Та-Ку: — Я долженъ отдать ему приказаніе.

Маленькая мушка качалась на травинкѣ у ногъ императора.

— Прощай, маленькая мушка, благодарю тебя, — тихо прошепталъ онъ, замѣтивъ ее.

А ночью проникшіе въ императорскую спальню злодѣи были схвачены полиціей, и Ли-Та-Ку замѣтилъ имъ: — Въ слѣдующій разъ, господа, говорите потише. ..

Зеленая дѣва Дондангенскаго замка.

Изъ латвійской старины.

Замокъ Дондангенъ — одинъ изъ древнѣйшихъ замковъ въ Латвіи.

Обомшѣлыя стѣны его видѣли и тевтонскихъ рыцарей, и польскихъ солдатъ, и легкія дружины Карла XII, и побѣдоносные полки Петра Великаго.

Неудивительно, что сѣдая старина сохранила для потомства много легендъ и преданій, связанныхъ съ этими стѣнами.

На южной стѣнѣ надъ маленькими воротами, приблизительно въ 12 футахъ надъ землей, имѣется каменный выступъ. Какъ передаетъ древняя легенда, на выступѣ этомъ стояло каменное изваяніе Богородицы.

Однажды возлѣ этихъ воротъ, подѣ статуей Богородицы, произошелъ поединокъ между владѣльцемъ замка рыцаремъ Майделемъ и гостемъ, чѣмъ-то оскорбившемъ хозяина.

Въ поединкѣ палъ, подѣ ударами противника, рыцарь Майдель. Побѣдитель, охваченный ненавистью, поднялъ мечъ, чтобы отсѣчь голову мертвому врагу, но въ тотъ же мигъ статуя Богородицы сорвалась со своего постамента и убила рыцаря.

Послѣ этого на выступѣ, на голомъ камнѣ, выросла березка. Достигнувъ двухъ футовъ высоты, она перестала расти. Это чахлое деревцо послужило матеріаломъ для созданія слѣдующей легенды:

Рыцарь Майдель, сынъ убитаго на дуэли, какъ-то подѣ вечеръ отправился верхомъ въ Ирбенъ.

Дорога шла лѣсомъ. Рыцарь не проѣхалъ и половины пути, какъ стемнѣло. Вдругъ видитъ онъ: на дорогу выходитъ сіяющій прелестный юноша съ драгоценной царской короной на головѣ...

Конь рыцаря отпрянулъ въ сторону и остановился какъ вкопанный.

Таинственный юноша приблизился, и рыцарь услышалъ его голосъ, нѣжный и пѣвучій, какъ звуки лютни:

— Я царь эльфовъ и прошу тебя, рыцарь, оказать мнѣ услугу: уступи мнѣ въ сильвестрову ночь большую залу

твоего замка. Она нужна мнѣ, чтобы отпраздновать мою свадьбу съ королевой русалокъ. Въ награду ты получишь сына, котораго давно и тщетно жаждешь. Кромѣ того, я укажу тебѣ необъятное богатство, скрытое въ тайникѣ твоего замка. Но помни условіе: никто изъ смертныхъ не долженъ видѣть и слышать того, что будетъ происходить въ замкѣ, и горе тебѣ, если будетъ нарушено это условіе.

Рыцарь, плѣненный общаніемъ награды, далъ клятву, что въ сильвестрову ночь зала будетъ въ полномъ распоряженіи чудеснаго гостя, и никто изъ обитателей замка даже близко не подойдетъ къ ней.

Юноша поклонился и исчезъ, а конь Майделя тронулся съ мѣста, похрапывая и стрижа ушами.

Наканунѣ сильвестрова дня рыцарь отдалъ приказъ, чтобы никто изъ обитателей замка, подѣ угрозой казни, въ теченіе сутокъ не смѣлъ подходить къ большой залѣ замка.

Но среди служанокъ была дѣвушка, у которой любопытство превышало даже страхъ смерти. Дѣвушка эта любила зеленый цвѣтъ и постоянно ходила въ зеленомъ платьѣ. За это ее прозвали Зеленой Дѣвой. Прозвище такъ укоренилось, что было почти забыто ея христіанское имя.

Зеленую Дѣву мучило любопытство. Она долго боролась съ искушеніемъ, наконецъ не выдержала и въ полночь украдкой подошла къ дверямъ большого зала.

Двери были закрыты, но изъ замочной скважины падала полоска свѣта. Зеленая Дѣва наклонилась и заглянула въ нее.

Въ залѣ сновали маленькія красивыя созданія, разставляя столы и стулья... Безшумно и быстро дѣлали они свое дѣло и точно по волшебству убирали залъ. Вскорѣ на столахъ появилась чудесная хрустальная посуда... Свѣтъ въ залѣ усилился, и вдругъ полилась откуда-то чарующая музыка... Залъ наполнился эльфами и русалками.

Зеленая Дѣва, затаивъ дыханіе, ждала, что произойдетъ.

Наконецъ изъ противоположныхъ дверей вышли король эльфовъ и королева русалокъ...

Зеленая Дѣва забылась, и изъ ея груди вырвался тихій возгласъ восхищенія...

И сейчасъ же раздался страшный ударъ грома, отъ котораго замокъ задрожалъ до основанія. Зеленая Дѣва въ судорогахъ упала возлѣ дверей. Здѣсь ее и нашли люди, разбуженные громомъ.

Дѣвушка, рассказавъ обо всемъ, что видѣла, умерла...

Вскорѣ послѣ страшной ночи рыцарь Майдель снова поѣхалъ въ Ирбентъ.

И снова путьъ ему преградилъ царь эльфовъ, но гнѣвный на этотъ разъ.

— Ты не сдержалъ клятвы и испортилъ мой праздникъ, а потому не будетъ у тебя потомства, и замокъ Дондангенъ будетъ переходить изъ рукъ въ руки, и никто не унаслѣдуетъ его окончательно. И только тогда, когда изъ березы, что растетъ на южной стѣнѣ замка, можно будетъ сдѣлать колыбель для первенца владѣльца замка, только тогда разсѣется проклятіе. И Зеленая Дѣва до той поры не найдетъ покоя.

Король эльфовъ исчезъ...

Послѣ этого въ лунныя ночи въ большой залѣ замка сталъ появляться призракъ Зеленой Дѣвы. Его видѣли всѣ обитатели замка. Дѣва, освѣщенная луной, безшумно скользила по мрачной залѣ, не находя себѣ мѣста и покоя.

Рыцарь Майдель умеръ, не оставивъ потомства. Замокъ перешелъ къ баронамъ Остенъ - Сакенъ. Остенъ - Сакенъ умеръ бездѣтнымъ, и такъ продолжалось много, много лѣтъ. Въ 1845 году умеръ тоже бездѣтнымъ Карлъ Остенъ - Сакенъ, и ему наслѣдовалъ младшій братъ Теодоръ.

Чахлое деревцо на выступѣ стѣны еще зеленѣло. Владѣлецъ замка приказалъ обложить корни березы землей, чтобы облегчить ростъ дерева, но послѣ этого оно засохло совсѣмъ.

Все же въ 1859 г. у Теодора родился сынъ. Обрадованный отецъ приказалъ срубить роковую березку и сдѣлать изъ нея игрушечную колыбель, которую и клали въ изголовье въ колыбель новорожденнаго.

Говорятъ, что съ тѣхъ поръ перестала появляться Зеленая Дѣва, и пропало дѣйствіе проклятія, наложеннаго когда-то царемъ эльфовъ на Дондангенскій замокъ.

Маріусъ Фіо.

Стихотворенія Виталія Вячеславскаго.

Колосья.

По вершинамъ нивы
Вѣтеръ волны гонить,
Вѣчно-шаловливый
Онъ колосья клонить.
Бродитъ онъ безъ дѣла,
Всюду онъ гуляетъ,
Чтобъ скорѣй созрѣла, —
Нивъ помогаетъ.
Вѣтеръ любитъ ниву,
То колосья знаютъ
И томясь ревниво
Вѣтеръ обнимаютъ.

Южныя сумерки.

Вѣчно бездомныя
Тучки жемчужныя,
Сумерки томныя,
Сумерки южныя.
Степи безбрежныя,
Звѣзды манящія,
Шорохи нѣжные,
Пѣсни томящія.
Рѣчки уснувшія
Точно стеклянныя,
Сумерки южныя,
Сумерки пьяныя.

150 лѣтъ независимости Соед. Штат. Сѣв. Америки.

Георгъ Вашингтонъ.

Во Франціи еще жива одна старушка, мадамъ Гайаръ, которая лично присутствовала при чествованіи французскаго генерала Лафайета, по его возвращеніи во Францію, послѣ окончанія войны американцевъ за свою независимость. Разумѣется, старушка эта теперь достигла почти библейскаго возраста, но все же это доказываетъ, что со знаменательнаго дня прошло не больше двухъ «человѣческихъ вѣковъ». Но какія грандіозныя перемѣны произошли въ мірѣ за эти полтора столѣтія, а особенно какъ измѣнилась сама Америка. Когда Лафайетъ сталъ подъ знамена Вашингтона, Америка представляла собою рядъ маленькихъ, плохо связанныхъ между собою колоній, растянувшихся вдоль побережья Атлантическаго океана. Колонисты не отличались численностью, и общее количество ихъ не превышало населенія Латвіи (2.000.000). Въ наши дни Соединенные Штаты являются одной изъ самыхъ большихъ и могущественныхъ державъ міра, со 120-милліоннымъ населеніемъ, занимающимъ всю территорію Сѣверо-Амери-

канскаго континента отъ Атлантическаго до Тихаго океана, отъ Канады до Мексиканскаго залива.

Англія тогда и не подозрѣвала, какіе запасы силъ и энергіи таили въ себѣ свободолюбивые колонисты. Когда послѣдніе въ рѣшительной, но почтительной формѣ возражали противъ несправедливыхъ и непосильныхъ налоговъ въ пользу Англіи, одинъ изъ министровъ Великобританіи высококомѣрно отвѣтилъ: «Мы не пойдемъ на уступки въ отношеніи американцевъ, развѣ только они будутъ просить у насъ милости съ веревкой на шеѣ!»

Міровая исторія могла сложиться иначе, если бы въ тѣ времена Англіей правилъ англійскій король, а не ганноверецъ Георгъ III, который отъ своихъ нѣмецкихъ предковъ унаслѣдовалъ глубокое презрѣніе къ простымъ смертнымъ и къ идеаламъ свободы, которые никогда не умирали въ сердцахъ англосаксовъ. Для него колонисты были дойнымъ скотомъ, дававшимъ доходъ государственной казнѣ, и онъ держалъ ихъ въ повиновеніи съ помощью наемныхъ войскъ, купленныхъ имъ у великаго герцога Гессенскаго. Вдобавокъ онъ отстранилъ отъ себя всѣхъ дѣятелей, симпатизировавшихъ своимъ землякамъ-колонистамъ, и окружилъ себя министрами, такими же ненавистниками свободы, какимъ былъ онъ самъ.

Въ день 150-лѣтія освобожденія Америки отъ англійскаго владычества не лишнимъ будетъ отмѣтить, что даже послѣ начала вооруженнаго сопротивленія, американцы не помышляли объ отторженіи отъ Англіи. Они начали свою борьбу подъ старымъ британскимъ лозунгомъ: никакихъ налоговъ безъ согласія самихъ плательщиковъ налоговъ!

Послѣ окончанія большихъ войнъ въ Америкѣ между Англіей и Франціей, окончившихся въ 1763 году присоединеніемъ Канады къ англійскимъ владѣніямъ, англичане рѣшили весь, возросшій благодаря военнымъ расходамъ, государственный долгъ въ 600 милліоновъ долларовъ разложить на американскихъ гражданъ.

щихъ лицъ въ группѣ лоцмановъ, курившихъ трубки поодаль, онъ выругался вполголоса, впрочемъ скорѣе добродушно, чѣмъ зло.

— Чортъ возьми, Викъ! Насъ никто не встрѣчаетъ. Это не дѣлаетъ чести твоимъ родственникамъ... Положимъ, мы не смѣли и рассчитывать, чтобы почтенныя дамы вышли къ намъ навстрѣчу — это у нихъ не водится, — но выслать какую-нибудь собаку право бы не мѣшало... Эй, почтенные!

Это относилось къ лоцманамъ, которые, впрочемъ, не проявили никакого оживленія на окрикъ моряка.

— Почтенныс, — повторилъ онъ, подходя къ лоцманамъ и прикладывая руку къ галуну фуражки, — я капитанъ Диркъ со шхуны «Новая Гвинея» — имѣю честь представиться, а это — мой юный другъ Викъ... Намъ нужно, почтенные, добратъся до дому двухъ особъ, обитающихъ въ вашей гавани... Зовутъ ихъ Эльсто, или что-то въ этомъ родѣ.

Лоцманы вѣжливо раскланялись съ капитаномъ, и одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Это на Бриговой улицѣ, сѣрый домъ...

— Благодарю, — иронически отвѣтилъ капитанъ, — но этого указанія, ей-Богу, мало моряку, привыкшему вести судно по точнымъ инструментамъ.

— Васъ встрѣчаютъ, — замѣтилъ на это лоцманъ. — Эй, Эльза! Сюда!

Знакомая уже намъ толстощекая женщина подбѣжала на зовъ, тяжело отдуваясь.

— Вотъ гости къ вамъ, Эльза, — сказалъ лоцманъ, — проводи ихъ... Честь имѣю кланяться, капитанъ.

Откланявшись, капитанъ и мальчикъ пошли

за прислугой. Капитанъ былъ въ нѣкоторомъ недоумѣніи:

— Чортъ возьми, — ворчалъ онъ, — народецъ здѣсь не изъ разговорчивыхъ... Честь имѣю кланяться, и все тутъ... Просто и круто... Ну, Викъ, не нравится мнѣ это мѣсто... Ей-Богу, не нравится...

Мальчикъ ничего не отвѣтилъ и только посмотрѣлъ на капитана. Глаза его лукаво свѣтились, и, видимо, онъ чувствовалъ себя вполнѣ свободно.

— Да, Викъ, — продолжалъ капитанъ мрачно, — я не могу понять фантазіи твоего отца. Богъ съ нимъ, онъ былъ моимъ лучшимъ другомъ, и не мнѣ осуждать его, а только зачѣмъ ему понадобилось посылать тебя сюда, когда на «Новой Гвинее» для тебя всегда имѣлась бы койка и въ будущемъ — карьера моряка... Не понимаю...

Эльза, шлепая тяжелыми башмаками по дорогѣ, искоса приглядывалась къ гостямъ, проявляя, пожалуй, даже излишнее любопытство. Она оказалась разговорчивѣе лоцмановъ и, когда капитанъ заговорилъ съ ней, не осталась въ долгу. Хотя до домика сестеръ Эльсто было всего нѣсколько минутъ ходьбы, она успѣла рассказать и про своихъ господъ, и даже про родителей ихъ. Когда гости входили съ параднаго крыльца въ домъ, они уже были посвящены чуть ли не во всю подноготную его хозяевъ.

Сестры сидѣли въ гостиной, одѣтыя въ парадныя платья. Клара, какъ каменное изваяніе, даже головы не подняла навстрѣчу посѣтителемъ. Только взглядъ ея остановился на мальчикѣ, и Викъ почувствовалъ себя неловко отъ этого взгляда: его точно пронизали чѣмъ-то холоднымъ.

Мальчикъ былъ довольно миловиденъ и не

очень дичился. Мартѣ хотѣлось приласкать племянника, но присутствіе сестры стѣсняло ее. Изъ боязни чѣмъ-нибудь оскорбить чувства Клары, она ограничилась ласковымъ кивкомъ и словами:

— Добро пожаловать къ намъ, милый Викъ!

Это звучало лаской и радушіемъ и согрѣло застывшаго отъ непривѣтливаго взгляда Клары мальчика. Онъ вѣжливо расшаркался въ отвѣтъ и занялъ мѣсто въ уголкѣ, рядомъ со своимъ другомъ-капитаномъ.

Капитанъ чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ. Ледяная неподвижность Клары сковывала его, мѣшала говорить. Смущенно побрякивая и сморкаясь въ платокъ, онъ пытался вернуть обычную самоувѣренность. Это ему удалось только тогда, когда онъ пересталъ смотрѣть на Клару и всецѣло занялся Мартой. Кроткій обликъ старушки успокоилъ его и вернулъ самообладаніе.

— Кхм... кхм... — началъ капитанъ, косясь уголкомъ глаза на Клару, — я, мадамъ, привезъ къ вамъ мальчика, исполняя волю моего покойнаго друга Виктора Дулова... Да. Викторъ погибъ... Погибъ вмѣстѣ со своей «Касаткой»... «Касатка» — это бригъ, которымъ онъ командовалъ и владѣлъ... Это была его воля привести къ вамъ Вика...

— Благодарю, — слышалось съ той стороны, гдѣ сидѣла Клара.

Смущенный нѣкоторой ироніей тона, морякъ поглядѣлъ на суровую особу, но, не замѣтивъ на ея лицѣ и признака какихъ бы то ни было чувствъ, снова обратился къ Мартѣ:

— Итакъ, сударыня, я привезъ къ вамъ мальчика. Это хорошій парень и изъ него будетъ толкъ. Да, изъ него выйдетъ хорошій морякъ... что называется, морской волкъ...

— Надѣюсь, что нѣтъ, — возразила Клара.

Капитанъ Диркъ съ опаской посмотрѣлъ на Клару. Марта постаралась замѣять замѣшательство.

— Это очень великодушно съ вашей стороны, капитанъ, — сказала она, изливая на моряка всю кротость своего взгляда, — это очень великодушно позаботиться о сиротѣ... Бѣдный Викъ... ему у насъ будетъ хорошо — за это я ручаюсь.

— Да, если онъ будетъ вести себя хорошо...

Марта кинула умоляющій взглядъ на сестру. Но онъ съ тѣмъ же успѣхомъ могъ поколебать камень.

— За это я могу ручаться, — съ отгѣнкомъ досады сказалъ капитанъ Диркъ: — Викъ — малый благовоспитанный и въ нѣкоторой степени исключеніе. Несмотря на юный возрастъ, въ немъ достаточно энергіи и самоувѣренности.

— Не люблю самоувѣренныхъ дѣтей.

Капитанъ даже привскочилъ со стула.

— Сударыня, — съ раздраженіемъ вымолвилъ онъ, — вамъ, можетъ статься, совершенно не нравится присутствіе племянника? Я могу тогда взять его съ собой... Викъ охотнѣе будетъ жить на моей шхунѣ, чѣмъ у людей, не расположенныхъ къ нему.

Клара отвѣтила презрительнымъ движеніемъ на вспышку капитана.

— Мальчикъ останется здѣсь, — сѣхо сказала она, — и объ остальномъ вамъ заботиться нечего, капитанъ.

Марта воспользовалась минутой и ласково подмигнула мальчику, ободряя и утѣшая его. Викъ понялъ ея взглядъ и улыбнулся. Мальчикъ успѣлъ выяснитъ, откуда дуетъ вѣтеръ, и стѣсне-

— Кхм... кхм... — началъ капитанъ, косясь уголкомъ глаза на Клару, — я, мадамъ, привезъ къ вамъ мальчика...

ніе, овладѣвшее было имъ, смѣнилось нѣсколько лукавымъ настроеніемъ: суровость и чопорность Клары если и пугали его, то въ то же время и забавляли. Что же касается Марты, то въ ней Викъ сразу почувствовалъ дружески расположенную къ себѣ душу, и перспектива пребыванія въ домѣ тетокъ не очень страшила его.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Викъ устраивается на новомъ мѣстѣ.

I.

Шхуна капитана Дирка снялась съ якоря на слѣдующій день.

Викъ съ мола провожалъ ее взглядомъ и махалъ своему другу краснымъ фуляромъ до тѣхъ поръ, пока корпусъ судна слился съ водой, и паруса превратились въ легкое бѣлое облачко на горизонтѣ. Только тогда мальчикъ отвелъ взоръ отъ дали, скрывшей его друга. Неподалеку стоялъ гранитный обелискъ на цоколѣ изъ нѣсколькихъ ступеней, и мальчикъ направился къ нему — посидѣть и, можетъ быть, подумать о новомъ положеніи вещей. Для мальчика, закинутого судьбой въ совершенно незнакомую обстановку, къ людямъ, которыхъ онъ до этого никогда не видалъ, — Викъ держался слишкомъ свободно, слишкомъ безнечно, точно для него не было ничего неожиданнаго въ кругу свершившагося. Съ видомъ скорѣе рѣшительнымъ, чѣмъ растеряннымъ, онъ подошелъ къ обелиску, гдѣ на ступеняхъ собралась уже кучка мальчиковъ, во всѣ глаза глядѣвшихъ на незнакомца. Точно не замѣчая любопытныхъ, Викъ обошелъ вокругъ памятника и внимательно прочелъ надписи, гласившія на одной сторонѣ обелиска, что «монументъ сей воздвигнутъ въ честь и память лоцманской лодки «Богъ въ помощь», по-

гибшей во время шторма 15-го ноября 1803 года; на другой сторонѣ: «слава жизнь положившимъ за други своя»; на третьей — «Господи, жизнь и въ смерти дающій, награди вѣнцомъ Славы Твоея: старшаго лоцмана Юліуса Треманъ, лоцмановъ Веньямина Карстена, Андруса Хендерсена и школьнаго учителя Базиліуса Стромберга»; на четвертой — «своимъ спасителямъ-героямъ вѣчно благодарный экипажъ шхуны «Св. Бонифацій».

Викъ съ нарочитой медлительностью перечитывалъ надписи, уголкою глаза слѣдя за мальчуганами, въ свою очередь ловившими взглядами каждое его движеніе. Это длилось довольно долго. Холодное равнодушіе Вика и видъ скучающаго путешественника, выдавашаго много на своемъ вѣку, произвели нѣкоторое впечатлѣніе на мальчиковъ. Подвижной веснуцатый мальчикъ, въ кожаныхъ штанахъ, поддерживаемыхъ одной подтяжкой, и въ широкой рыбацкѣй шляпѣ, скорчилъ рожицу и сказалъ пріятелямъ вполголоса, но съ такимъ расчетомъ, чтобы пришелецъ слышалъ все до слова:

— Важная птица, подумаешь. Мы, Микко, видали и не такихъ, не правда-ли?

Викъ засвисталъ, точно въ разсвѣянности, и повернулся спиной къ мальчишкамъ, засунувъ руки въ карманы панталонъ.

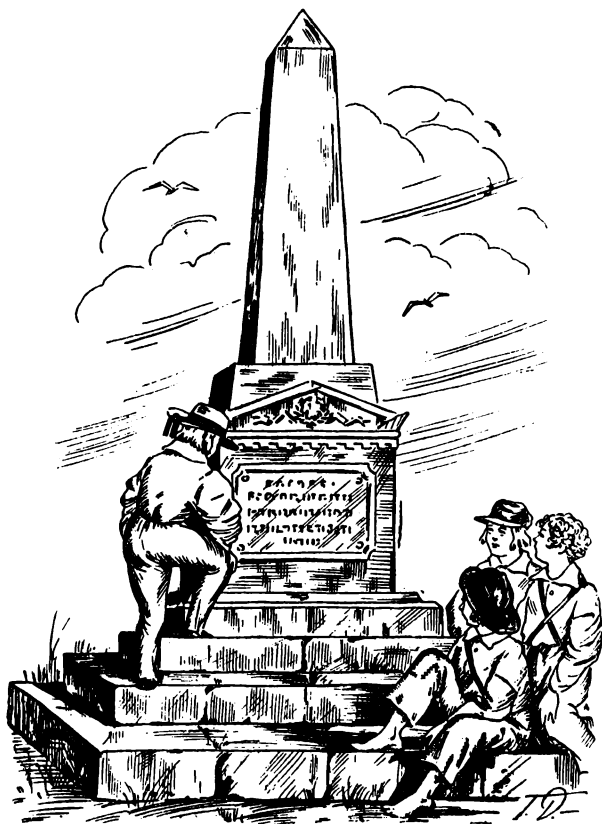
Это окончательно взорвало мальчика въ кожаныхъ штанахъ.

— Эй, ты, заморская птица! — окликнулъ онъ. — Неужели ты думаешь, что важнѣе тебя никого на свѣтѣ нѣтъ?

Викъ только и ждалъ этого. Онъ повернулся къ грубіяну и сказалъ вызывающе:

— Ужъ не со мной ли ты говоришь?

Веснуцатый мальчуганъ вскочилъ съ гранитной ступени съ крайне прозрачнымъ намѣреніемъ

Викъ перечиталъ надписи.

вцѣплиться въ «заморскую птицу». Онъ даже сказалъ товарищамъ, что они увидятъ, какъ онъ «собрѣетъ съ него спесь».

— Брось, Гилли, — удержалъ его кудрявый мальчикъ съ голубыми глазами: — если онъ важничаетъ, ему же хуже.

Прямой, слегка насмѣшливый взглядъ голубыхъ глазъ смутилъ Вика. Онъ сдѣлалъ шагъ къ группѣ мальчиковъ и сказалъ:

— Я совсѣмъ не важничаю. Я только вчера грѣхалъ и никого тутъ не знаю. Вотъ и все. Зовутъ меня Викъ Дуловъ, и тетки мои живутъ въ сѣромъ домѣ на Бриговой улицѣ.

— Знаемъ, знаемъ! — весело отозвался кудрявый мальчикъ. — Мы и пришли сюда тебя посмотреть. Меня зовутъ Микко Валто, и живу я напротивъ тебя.

Это было похоже на начало мирныхъ переговоровъ. Тилли, хотя и хмурился, но поздоровался съ Викомъ. Микко шепнулъ новому знакомому:

— Это Тилли Карстенъ. Внукъ того Карстена.

Многозначительный кивокъ въ сторону обелиска пояснилъ остальное. Викъ уже съ любопытствомъ посмотрѣлъ на забѣяку: слава дѣда, увѣковѣченная въ памятникѣ, сообщила внуку особенную цѣну.

Отношенія быстро наладились. Нѣкоторая неловкость, сопровождающая обычно появленіе новаго лица въ любомъ обществѣ, чувствовалась нѣкоторое время и среди мальчиковъ. Кожаные штаны и грубые парусиновые куртки съ недоувѣріемъ и отчасти враждебностью взирали на пришельца, одѣтаго съ праздничной роскошью — въ суконную пару и сапоги. Для мальчиковъ острова Эрбоса, независимо отъ степени богатства родителей, носившихъ обувь лишь зимой да по праздникамъ, та-

кой нарядъ былъ верхомъ напыщенности и важности. Этого вполне было достаточно для начала драки, при чемъ, кромѣ Тилли, нашлись бы и еще охотники до поединка. Однако Микко уладилъ дѣло безъ потасовки. Послѣ нѣсколькихъ минутъ натянутости разговоръ завязался, и вражда потухла. Тилли Карстенъ удовлетворился ощупавъ мышцы Вика. Прощупавъ бицепсы пришельца и сравнивъ ихъ со своими, онъ вполне успокоился и развеселился.

— Ты тоже не изъ слабыхъ, — почтительно замѣтилъ онъ, — и съ тобой интересно бы сцѣпиться. Когда-нибудь мы поборемся. Ладно?

— Ладно, — согласился Викъ, не меньше Карстена готовый къ развлечениямъ такого рода, — за мной дѣло не станеть.

Конечно, Вика пришлось рассказать новымъ знакомымъ все о себѣ. Рассказъ, правда, былъ не великъ, но полонъ жгучаго интереса. Еще бы! Викъ, несмотря на свои 11 лѣтъ, успѣлъ-таки поколесить по свѣту. Родился онъ въ Гамбургѣ, потомъ жилъ въ Петербургѣ, Ригѣ, Ревелѣ. Послѣ смерти матери цѣлый годъ провелъ на суднѣ отца и плавалъ даже въ Австралію. Всего этого было совершенно достаточно, чтобы затмить блескомъ несокрушимаго величія скромныхъ мальчугановъ острова Эрбоса, не выдавшихъ ничего чудеснѣе пресловутаго артезіанскаго колодца на рыночной площади, и даже отгѣснить на задній планъ Тилли, дѣдъ котораго погибъ, спасая «Св. Бонифація».

Въ свою очередь, ребята поразказывали о своей жизни и развлеченияхъ на островѣ. Конечно, это было сѣро и блѣдно наряду съ австралійскими приключеніями пышнаго путешественника, но все-таки Викъ нашелъ достойными вниманія поѣздки

на отмель Ракушекъ за крабами и лазанье по скаламъ за яйцами гагарь. Онъ не прочь былъ даже сейчасъ же продѣлать что-нибудь въ этомъ родѣ, и такое поведеніе великаго человѣка завоевало сразу же симпатіи къ нему мальчугановъ.

Тилли сказалъ, что у него есть на примѣтѣ подходящая скала и что, если Вику хочется, они могутъ хоть сію минуту пойти къ ней.

— Тамъ шесть гнѣздъ, — замѣтилъ онъ.

Вика не нужно было упрашивать. Компания готова была тронуться въ путь, какъ неожиданное появленіе Эльзы разстроило всѣ планы. Она сказала Вику, что «барыни требуютъ, чтобы онъ шелъ домой, что завтракъ стынетъ на столѣ, и барыня Клара сердится».

Этого было достаточно, чтобы сбить настроеніе. Одна мысль о теткѣ Кларѣ пробуждала ознобъ въ душѣ, и, Викъ, простясь съ новыми друзьями побрелъ за Эльзой, сожальѣя, что прислуга не пришла нѣсколькими минутами позже.

II.

Завтракъ былъ дѣйствительно на столѣ. Взглянувъ на лица тетокъ, Викъ подумалъ, что слѣдовало бы извиниться. Онъ бы и сдѣлалъ это, будь въ столовой одна Марта, но присутствіе Клары странно стѣсняло его. Ему указали его мѣсто, и онъ сѣлъ, опутивъ глаза въ тарелку.

Клара пронизала мальчика инквизиторскимъ взглядомъ и сказала ледянымъ тономъ:

— Проводы капитана заняли у тебя слишкомъ много времени.

Марта, наполнявшая тарелку мальчика, кинула на сестру взглядъ, полный мольбы.

— Клара!

— Нечего удерживать меня, — заявила на это рѣшительно дама: — мальчикъ долженъ примѣняться къ порядкамъ нашего дома. Я допускаю, конечно, что сегодня онъ не зналъ еще часа завтрака, и потому говорю: Викъ, мы завтракаемъ ровно въ 10 часовъ. Всѣ должны быть на своихъ мѣстахъ. Вотъ и все.

Мартъ казался невозможно суровымъ тономъ сестры. Она попыталась смягчить замѣчаніе.

— Да, милый мой, — передавая тарелку мальчику, сказала она ласково, — въ 10 часовъ мы завтракаемъ. Лучше приходитъ во-время, чтобы потомъ не ѣсть холодную пищу, что вредно для желудка, особенно въ такомъ возрастѣ, какъ твой...

Сердитое ляганье ножомъ по тарелкѣ сестры перебило ее. Клара однако ничего не сказала, но рѣзала мясо съ такимъ ожесточеніемъ, точно кромсала трупъ поверженнаго заклятаго врага.

— Капитанъ Диркъ уѣхалъ? — осторожно спросила Марта.

— Да.

Викъ поднялъ на нее глаза. Они были печальны.

— Не грусти, Викъ, — замѣтила старушка, — капитанъ обѣщалъ навѣстить тебя... У насъ же никто тебя не обидитъ.

Она опасливо посмотрѣла на сестру и продолжала:

— Я надѣюсь, ты не предавался разнымъ мрачнымъ мыслямъ на берегу... Мрачность не къ лицу дѣтямъ, милый мой...

— Какой вздоръ! — перебила ее Клара. — Мрачныя мысли! Просто дрался съ мальчишками!

Викъ слегка покраснѣлъ. Ему стало вдругъ и

обидно, и досадно: тетка говорила такимъ убійственнымъ, непріязненнымъ тономъ.

Марта заерзала на креслѣ и почесала переносицу.

— Ну, что-жъ, Клара, это хорошо, если онъ познакомился съ товарищами. Я положительно ничего не имѣю противъ этого.

— Конечно, — язвительно согласилась Клара, — пусть знакомятся. Ты не будешь имѣть ничего и противъ того, когда его будутъ приносить домой за мертво, какъ результатъ шатанья съ оравой мальчишекъ?

— О, Клара, что ты говоришь! — въ ужасѣ воскликнула Марта.

— Ничего особеннаго, — невозмутимо отвѣтила Клара, взмахнувъ бараньей косточкой, которую держала въ рукѣ, — у нихъ вѣдь привычка лазить по скаламъ...

Викъ трусливо поглядѣлъ на тетку. Эта суровая старуха предугадывала его замыслы, и онъ боялся, какъ бы она не помѣшала его будущимъ похождениямъ. Добродушная Марта, слава Богу, пришла на помощь:

— Ты выдумываешь всякіе ужасы, Клара... Зачѣмъ ему лазить по скаламъ? И притомъ, часто ли у насъ дѣти падаютъ со скалъ?

Клара не сочла нужнымъ отвѣчать на этотъ вызовъ. Ея враждебныя чувства по отношенію къ мальчикамъ достигли высшихъ предѣловъ, и она молчала, подавленная ихъ глубиной. Говорить — значило раздражаться, а Клара Эльсто выше всего цѣнила спокойствіе — единственное состояніе, совмѣстимое, по ея мнѣнію, съ истиннымъ достоинствомъ. Но ея глаза зато говорили за нее. Они метали молніи, стремясь испепелить сестру и за одно молчаливый предметъ ея заступничества.

Когда послѣ завтрака Клара вышла изъ комнаты, мальчикъ почувствовалъ странное облегченіе. Точно вмѣстѣ съ суровой теткой ушло и невѣроятное высокое давленіе атмосферы, царившее до этого въ комнатѣ. Онъ посмотрѣлъ на Марту, наливавшую ему сливки въ кофе и старавшуюся непременно положить въ чашку самую большую и румяную пѣнку, и на душѣ стало веселѣе. Кроткое, доброе лицо старушки казалось ему на самомъ дѣлѣ роднымъ. Приглядѣвшись внимательно, онъ замѣтилъ, что у Марты, какъ и у его отца, брови описывали широкій полукругъ, сообщая особенную ласковость и глубину глазамъ. Это было пріятно мальчику и разбудило грустные воспоминанія. Онъ вздохнулъ.

Марта съ замѣшательствомъ посмотрѣла на него. Вздохъ она отнесла за счетъ суровости сестры. Это покорило ея доброе сердце.

— Викъ, — сказала она нѣжно, — ты не думай, пожалуйста, что тетя Клара... жестока... Нѣтъ... она только сурова характеромъ... Ты навѣрное полюбишь ее, когда узнаешь поближе.

Она потеряла переносицу съ видомъ, обличавшимъ ея внутреннее затрудненіе.

— У нея было много горя въ жизни, Викъ, — продолжала Марта, — и она не совсѣмъ долюбливаетъ людей. Тебѣ, конечно, неизвѣстно, милый мой, что ея жениха убили?... До той поры добрѣе и ласковѣе Клары никого и придумать нельзя было...

Викъ не ожидалъ подобныхъ объясненій. Они самымъ неожиданнымъ образомъ подѣйствовали на него.

— Какъ, жениха ея убили? — переспросилъ онъ, подавленный мрачной трагедіей. — Это было давно?

Марта погрозила ему пальцемъ съ таинственнымъ видомъ заговорщицы.

— Тс... не кричи... И только, ради Бога, не проговорись...

— О, нѣтъ, — краснѣя отъ возбужденія, поспѣшилъ успокоить тетку Викъ, — я никому не скажу.

— Хорошо. Тогда я расскажу тебѣ эту исторію. Только молчи и ни гу-гу... Это хоть и страшная исторія, но она недолга. У Клара былъ женихъ — помощникъ капитана съ англійскаго брига «Стюартъ». Это былъ очень красивый и храбрый морякъ, и Клара его очень любила. Онъ часто заѣзжалъ къ намъ и гостилъ у насъ, пока судно его стояло гдѣ-нибудь въ ближайшихъ гаваняхъ — Ригѣ или Ревелѣ. Послѣдній разъ, когда онъ былъ у насъ и сидѣлъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ и ты сейчасъ сидишь — это было (дай Богъ памяти), да, это было въ тотъ годъ, когда погибла лодка «Богъ въ помощь»...

— Въ 1803 году! — воскликнулъ Викъ, полный трепетнаго жгучаго интереса...

— Да... да... — печально подтвердила Марта, — въ тотъ самый годъ... Это былъ очень печальный для насъ годъ, милый мой...

Марта страшно взволновалась и, добывъ платокъ, поднесла его къ лицу...

— Ты читалъ надписи на обелискѣ? — спросила она дрожащимъ голосомъ.

Викъ кивнулъ головой, не въ силахъ говорить. Онъ понялъ, что и для добродушной старушки тетки Марты 1803 годъ былъ особенно памятенъ чѣмъ-то.

— Такъ ты нашелъ тамъ имя учителя Базилюса Стромберга, — почти шопотомъ продолжала она: — онъ погибъ, спасая моряковъ со «Св. Бони-

Можетъ быть колонисты и согласились бы платить новые налоги, но англійское правительство ввело эти налоги въ такой рѣзкой и неумѣлой формѣ, что вызвало всеобщее возмущеніе среди американцевъ. Такъ, былъ введенъ особый гербовый сборъ на всѣ документы, а когда проведение этого налога оказалось невозможнымъ, были обложены высокими пошлинами стекло, бумага, чай и другіе предметы первой необходимости, которые ввозились въ Америку. Налоги эти, оказавшіеся невыгодными и для самихъ англичанъ, были частью отменены, но все же американцы невольно призадумались надъ вопросомъ, имѣетъ ли англійская корона право облагать колоніи такими налогами въ свою пользу. Делегаты отдѣльныхъ колоній собрались на совѣщаніе въ Нью-Йоркѣ. Совѣщаніе это сказало свое «нѣтъ» и послало заявленіе объ этомъ англійскому королю. Американскіе колонисты писали королю, что на колоніи невозможно накладывать налоги, идущіе въ пользу англійской казны, тѣмъ болѣе, что колонисты не имѣютъ своихъ депутатовъ въ англійскомъ парламентѣ, да и «не могутъ ихъ имѣть».

Король Георгъ и его правительство не придали посланію никакого значенія и настаивали на уплатѣ пошлинъ. Тогда американцы перешли отъ словъ къ дѣлу: корабли, привезшіе изъ Англій чай, не были допущены въ Нью-Йоркъ и Филадельфію. Ихъ заставили вернуться обратно. Въ Бостонѣ американцы, переедѣтые индѣйцами, выбросили въ воду грузъ чая съ прибывшаго судна, а въ Аннаполисѣ заставили одного купца собственноручно поджечь принадлежавшее ему судно съ чаемъ.

Случилось это въ 1773 году, но военныя дѣйствія начались только въ 1775 году, когда англійскія войска въ Бостонѣ получили приказъ арестовать Самуэля Адама и Джона Хенкока, стоявшихъ во главѣ бунтовавшихъ колонистовъ въ Массачусетѣ. Колонисты вооружились ружьями, и англичане послѣ тяжелыхъ потерь вынуждены были отступить къ Бостону. Эти сраженія подали сигналъ къ восстанію. Колонисты послали своихъ депутатовъ въ Филадельфію для организаціи борьбы противъ Англій.

Главнокомандующимъ американскими арміями былъ избранъ Георгъ Вашингтонъ.

При принятіи главнаго командованія Вашингтонъ сказалъ: «Я отвергаю мысль объ отдѣленіи». Такъ же рассуждали тогда почти всѣ американцы, смотрѣвшіе на свой споръ съ Англійей, какъ на «семейное дѣло». Просто дочь возсталъ противъ тираннической и злой матери, совершенно не собираясь порывать существовавшую кровную связь, но надѣясь, что мать сознаетъ свои ошибки и опомнится. Но Англійя «матушка» въ этотъ моментъ олицетворялась Георгіемъ III, а онъ былъ далекъ отъ благоразумія и даже не удостоивалъ прочтенія всеподданнѣйшихъ просьбъ американскаго конгресса. Не имѣя возможности нанебовать солдатъ въ Англій, онъ нанялъ гессенскихъ солдатъ, чтобы завоевать вновь непокорную колонію. Такой поступокъ короля сильно охладилъ «дочернія чувства» Америки, и страну наводнили памфлеты противъ короля и Англій, но все же предложеніе о провозглашеніи независимости страны было внесено въ конгрессъ только спустя болѣе года послѣ начала военныхъ дѣйствій. Предложеніе это получило одобреніе всѣхъ представителей колоній, и Томасу Джефферсону, прозванному «перомъ» освободительной войны въ отличіе отъ Вашингтона, прозваннаго «мечомъ» ея, было поручено написать декларацію о независимости американцевъ.

4 іюля 1776 г. декларація эта была предложена конгрессу и принята имъ всѣми голосами противъ 3. Съ этого дня Америка вступила въ семью независимыхъ государствъ, и 150-лѣтній юбилей этого событія недавно отпразднованъ въ Соединенныхъ Штатахъ и во всѣхъ уголкахъ міра, гдѣ есть американцы.

Объявленіе независимости было встрѣчено бурнымъ ликованіемъ во всей Америкѣ, но не облегчило трудностей борьбы противъ Англій, которая имѣла все же много приверженцевъ въ возставшихъ колоніяхъ. У конгресса не хватало средствъ для дальнѣйшей борьбы, а въ рядахъ американцевъ множились партійные раздоры. У нихъ не было на-

стоящаго флота и не было настоящей арміи. За все время имъ не удалось одержать ни одной крупной побѣды надъ англичанами, а тѣмъ временемъ большой англійскій флотъ съ 25.000 войска прибылъ къ Нью-Йорку.

Тѣмъ не менѣе, объявленіе независимости стало поворотнымъ пунктомъ войны, такъ какъ дало возможность Соединеннымъ Штатамъ, какъ независимому государству, получить помощь отъ дру-

ствѣ союзниковъ, положеніе американцевъ сразу улучшилось, а англичане очутились лицомъ къ лицу съ равнымъ по силамъ противникомъ. Все же до лѣта 1781 года военное счастье было на сторонѣ англичанъ, и американцы понесли больше поражений, чѣмъ одержали побѣдъ. Съ прибытіемъ на помощь сильнаго французскаго войска и флота, Вашингтонъ, не терявшій все это время мужества, но вынужденный дѣйствовать

Георгъ Вашингтонъ переправляется черезъ рѣку во время ледохода.

гихъ державъ, безъ которой американцамъ, быть можетъ, никогда не удалось бы добиться побѣды надъ Англійей. Въ то время, какъ Вашингтонъ продолжалъ собирать войска, во Францію отправился Веньяминъ Франклинъ, чтобы побудить французовъ оказать помощь американцамъ противъ Англии. Его старанія не сразу увѣнчались успѣхомъ, но ему удалось завербовать добровольцевъ среди французскихъ, нѣмецкихъ и польскихъ офицеровъ, которые стали подъ знамена Вашингтона, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ Лафайетъ, фонъ-Штейбенъ и Костюшко, оказали неоцѣнимыя услуги Америкѣ.

Франція признала независимость Соединенныхъ Штатовъ только въ 1777 г., когда американцамъ удалось взять въ плѣнъ англійскую армію у Саратага, близъ Нью-Йорка. Послѣ того какъ французы вступили въ борьбу въ каче-

крайне осторожно, предпринялъ свой знаменитый походъ на Йорктаунъ, въ Виргиніи, и вынудилъ англійскаго генерала Корнваллиса сдаться въ плѣнъ со всеѣмъ войскомъ.

Эта побѣда фактически рѣшила войну, хотя миръ былъ заключенъ только два года спустя.

Когда 3 сентября 1783 года король Георгъ принялъ перваго американскаго посла, Джона Адамса, онъ произнесъ слѣдующее привѣтствіе:

«Скажу вамъ отъ чистаго сердца. Я послѣдній согласился на отторженіе Америки, но разъ этого не удалось избѣжать, я первый протяну дружескую руку Соединеннымъ Штатамъ».

Если бы онъ такъ же разсуждалъ 10 лѣтъ до этого, кто знаетъ, — можетъ быть Америка и по сей день оставалась бы англійской доминіей.

Въ Дагомеѣ.

Письмо изъ Африки.

Жаркій январьскій день. Въ тѣни градусовъ 35 по Цельсію, а на солнцѣ около 60-ти.

Небо впрямъ доменная печь, поднимаешь лицо вверхъ и чувствуешь — пекломъ пышетъ, а глаза надо зажмуривать — иначе ослѣпитъ. Раскаленная земля, раскаленъ воздухъ. Заливъ океана дремлетъ. Чуть-чуть рябится. И берега, обросшіе высокой, въ нѣсколько метровъ травой, точно заснули. Недвижимы. Ни малѣйшаго дуновения вѣтерка. Вода въ заливѣ серебрится. И сверкаетъ алмазами.

Изрѣдка высунетъ голову крокодилъ и нѣжится на солнцѣ. Онъ бы радъ на бережокъ, но въ лункѣ межъ травой, гдѣ вытоптано, вылизано временемъ, и гдѣ грязно-песчанно, безъ малѣйшей травинки, — бабы и дѣвки моютъ бѣлье.

И крокодилъ боится.

Крокодилъ спасается отъ людей, которые ходятъ по землѣ. Если какой-нибудь неосторожный пловецъ уплыветъ въ одиночку далеко отъ берега залива, — крокодилъ, пожалуй, подкрадется и схватитъ.

Но такое счастье выпадаетъ на долю одному изъ десятка тысячъ и то разъ въ годъ пожалуй.

Люди на берегу опасны и сильны, — крокодилъ это знаетъ. Люди, что въ лодкахъ, — тоже опасны, ибо, если человекъ въ лодкѣ, онъ охотится за крокодиломъ. И тотъ понимаетъ — давно уже понялъ.

Быть можетъ, тысячу лѣтъ назадъ, быть можетъ — больше. Кто вѣдаетъ, сколько живетъ крокодилъ, да и не важно это. Родители дѣтямъ передаютъ науку жизни, или существуетъ какой-нибудь крокодиличный языкъ, или путемъ инстинкта, что властнѣй языка.

И потому давно-давно уже крокодилы научились бояться человека. На послѣдняго крокодилы глядятъ съ вожделѣніемъ, ибо людское мясо — лакомый кусокъ. Но своего рода Танталово яблоко.

А негры такъ ловки. Негры, родившіеся на берегу океана и большихъ

рѣкъ, съ издѣтства привыкли къ водѣ и чувствуютъ въ ней себя, какъ рыбы. Они смѣло ныряютъ, они дразнятъ въ глубинѣ акулъ и крокодиловъ. Любятъ играть съ опасностью.

И бываютъ случаи, что озорникъ-мальчишка подъ водой сидеть верхомъ на крокодила или акулу на нѣсколько секундъ.

А потомъ ловко соскользнетъ. Но не всегда. Иногда смѣльчакъ платится жизнью: его проглатываютъ водяныя чудовища.

Хотя крайне-крайне рѣдко.. платятся главнымъ образомъ неосторожные европейцы.

Когда я проѣзжалъ Дакаръ въ Сенегалии — тамъ одного француза загрызла акула. Компанія купалась въ океанѣ, несчастный удалился отъ прочихъ, не подозревая опасности; акула схватила его за ногу и уволокла въ бездну.

И только на томъ мѣстѣ на нѣсколько минутъ кровью окрасилась вода.

Погибъ молодой французъ, акулы въ подводномъ царствѣ, навѣрно, устроили торжество и записали этотъ случай въ скрижали своей акульей исторіи..

Бабы и дѣвки стираютъ бѣлье. И бабы — черныя, какъ смола, и дѣвки тоже. Нѣсколько экземпляровъ въ костюмѣ Евы; другія въ тряпичныхъ пояскахъ отъ колѣнъ до бедеръ. Всѣ стоятъ на колѣняхъ; и тѣ, что въ пояскахъ, ежеминутно себя окачиваютъ морской водой.

Негритянки бесѣдуютъ на дагомейскомъ нарѣчій. Я подошелъ съ переводчикомъ, и тотъ сталъ пересказывать мнѣ содержаніе разговора:

— Ты любишь своего мужа?

— Нѣтъ, — онъ мнѣ противенъ. Онъ имѣетъ кромѣ меня еще 10 женъ, а ты вотъ счастлива — у твоего мужа нѣтъ больше женъ кромѣ тебя. Я тебѣ зави-
дую ужасно.

— А я тебѣ. Ты богата, ты ѣшь каждый день много.

— Что ѣда?... Я готова голодать, лишь бы я была одна въ домѣ. Ну у него 20 женъ.

— Ты глупая. Я одна, но всегда живу впроголодь. Плохая профессия у моего мужа. Носильщик зарабатывает лишь тогда, когда приходит много пирога с товаром. А буря на океан — пироги совсем не появляются. И я, и дети голодны, и муж тоже.

Я слушал переводчика и думал: ведь одно и то же. Мы — европейцы, они — дикари, а человеческая сущность одна. И потому у бѣлыхъ, черныхъ, краснокожихъ, малайцевъ — тѣ же душевные задатки.

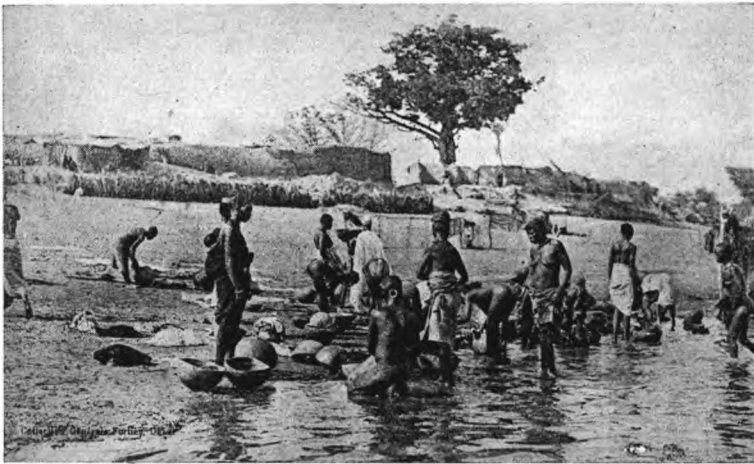
— Человѣкъ человѣку братъ.

наго стебля прикрыть старой шляпой, а черезъ два воскресенья моя шляпа болталась въ воздухѣ такъ высоко, что я не могъ ее достать рукой.

Стебель — толщиной около вершка въ диаметръ, внутри полый, зеленого цвѣта.

Промежутки между этими стеблями на болотѣ всегда заполнены колючимъ бурьяномъ и травой, напоминающей нашу, — только гигантскихъ размѣровъ. И все это образуетъ такую густую зеленую стѣну, что болота совершенно непроходимы.

Во многихъ мѣстахъ они сухи, но,

Негритянки стирають бѣлье.

Я пошелъ вдоль берега, т. е. приблизительно на разстояніи саженой ста отъ воды, ибо здѣсь по обоимъ берегамъ океанскаго залива, простирающагося километровъ на четыреста, тянутся болота, заросшія травой, вышиной въ 3—5 метровъ. Попадается иногда и нашь камышъ, но преимущественно растетъ особенная трава съ высокими стеблями, заканчивающимися вверху наростами, въ видѣ розетки, величиной съ тарелку.

Трава растетъ чрезвычайно быстро и обладаетъ удивительной живучестью. Если вы сегодня скосите ее на известномъ пространствѣ, черезъ 2 недѣли она вновь достигнетъ высоты человеческого роста. И обязательно снабжена розеткой.

Я какъ-то продѣлалъ опытъ. Въ одно воскресенья выступающій на полсантиметра изъ-подъ земли кончикъ скошен-

чтобы продвинуться впередъ, надо дѣлать проськи.

Пока болота тянутся вдоль городовъ, они неопасны, но удалитесь на 2—3 километра, и тамъ полно змѣй, укусы которыхъ смертельны.

Вблизи же жилищъ — нѣтъ змѣй: только ящерицы особой породы. По туземному «маргуйя» — длиной въ четверть аршина, съ желтымъ брюшкомъ, сѣрой спинкой, ласковыми глазками. Это существо чрезвычайно доброе, безобидное, питается маленькими мошками.

И водится здѣсь миллионами. Всюду, всюду вы видите маргуйю. Когда проходите по улицамъ, сотни экземпляровъ маргуйи пробѣгаютъ мимо васъ, взбираются съ быстротой бѣлки на стволы деревьевъ, на изгороди, стѣны домовъ и лачугъ.

И вы найдете ихъ въ каждомъ домѣ.

Въ моей квартирѣ обитаетъ пять взрослыхъ особей маргуйи. Я ужъ ихъ подмѣтилъ. У нихъ есть дѣти — маленькія ящерицы.

И навѣщаютъ ихъ пріятели, друзья и родственники, потому что временами появляется на нѣсколько часовъ очень много ящерицъ.

Но пять взрослыхъ живутъ постоянно. И эти меня уже знаютъ. Когда я подхожу, убѣгаютъ, но не быстро, а играючи. Когда протягиваю руку, чтобъ схватить, онѣ точно отдаются вамъ въ руки, а потомъ ускользнуть ловко и стремительно. «Гости» же спасаются опроремью...

Я шель по заливу, огибая болото, и вдругъ увидѣлъ религиозную процессію въ честь фетишей (идоловъ).

Двигалась большая толпа разряженныхъ негровъ, а среди нихъ подъ огромными пестрыми шелковыми зонтами-паланкинами въ носилкахъ несли негритянского дагомейскаго короля ночи и лѣсовъ и перваго министра королевскаго негритянскаго двора.

Король, покорный вассалъ французовъ, воссѣдалъ въ гордой позѣ, въ фантастическомъ одѣянніи, блистающемъ золотистой вышивкой, въ шалкѣ съ павлиньими перьями и въ унизанныхъ золотыми блестками гетрахъ.

Подъ зонтомъ шли его жены — почти голыя. Вокругъ дикая банда голыхъ музыкантовъ оглушительно била въ ступы, подобія барабановъ, и дула въ какія-то сопилки, выплевывающія хаотическіе звуки.

Дальше слѣдовали плясуны и плясуньи. Они яростно выбрасывали впередъ и назадъ грудную клѣтку, крутили животомъ, дѣлали свирѣпыя гримасы, разбрасывали въ беспорядкѣ въ стороны руки и ноги съ такой силой, что приходилось удивляться, почему пляшущіе остаются безъ вывиховъ и членовредительства...

А солнце жгуче палило.

Жара была въ 60 градусовъ. Потъ градомъ катился съ голыхъ тѣлъ плясунновъ и плясуній. Но никто не чувствовалъ усталости...

Позади тянулся заливъ океана безконечной широкой стальной волнующейся лентой. И походилъ онъ не на заливъ, а на широкую рѣку.

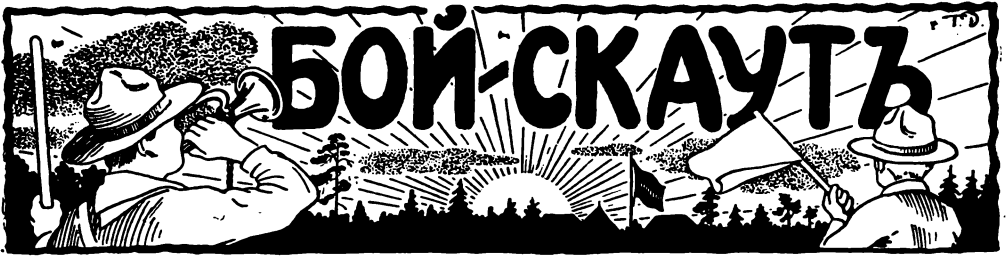
Издали будто рѣка, а подойдете къ водѣ, — вѣчно плещутся морскія волны.

Порто-Ново.

В. Унновскій.

Африка.

Рижскіе скауты въ лагерѣ.

Въ текущемъ году лагеря 3-го и 21-го рижскихъ отрядовъ были расположены недалеко другъ отъ друга, въ районѣ озера Уйки, близъ рѣки Аа Лифляндской. Пятый же отрядъ устроилъ свой лагерь въ живописной мѣстности на островѣ Булленѣ (Булленгофъ) недалеко отъ впаденія рѣки Аа Курляндской въ море.

Всѣ три отряда выѣхали въ лагерь 19 июня и вернулись въ Ригу въ послѣднихъ числахъ мѣсяца, пробывъ на лонѣ природы около 2 недѣль. Хорошія мѣста для купанья и игръ, красивыя окрестности, изолированность отъ населенныхъ мѣстъ и, въ то же время, близость мѣста закупки провизіи и удобство сообщенія съ городомъ (послѣднее относится главнымъ образомъ къ лагерю 5 отряда) — создали на рѣдкость удачныя условія для скаутскаго лагеря.

Распредѣленіе времени по часамъ въ каждомъ отрядѣ было различно, но въ общемъ оно соотвѣтствовало слѣдующему: въ 7 час. утра въ лагерѣ раздавался сигналъ къ вставанью. Выбѣжавъ изъ палатокъ, съ полотенцемъ и мыломъ въ рукахъ, скауты отправлялись на рѣ-

ку мыться. По возвращеніи слѣдоваль завтракъ, состоявшій изъ какао и хлѣба съ масломъ, поднятіе флага, утренняя молитва, а затѣмъ — уборка лагеря. Время до обѣда (прибл. въ 3 часа) проходило въ занятіяхъ піонерствомъ, слѣдопытствомъ, въ большихъ играхъ и купаньи въ морѣ или рѣкѣ. Послѣ обѣда слѣдоваль отдыхъ, а затѣмъ — или игры, или сдача скаутами экзаменовъ на разныя «спеціальности» и «разряды».

Извѣстное время посвящалось занятію спортомъ. Въ 9 час. вечера скауты принимались за ужинъ, къ которому подавался чай и хлѣбъ съ масломъ или съ мармеладомъ. Въ 10 час. слѣдовала бесѣда у костра, и, послѣ нея — спускъ флага и вечерняя молитва. Въ 11 час. лагерь засыпаль, и начинались дежурства, о которыхъ въ одной пѣсенкѣ поется:

На дежурство изъ палатки
трудно было вылѣзть,
приходилось за пятки
нашихъ скаутовъ таскать.

Лагери не были лишены даже нѣкоторыхъ удобствъ. Такъ, напр., скауты 5 отряда сдѣлали удобный столъ, особую полку для посуды, весьма приличную кладовую для съѣстныхъ припасовъ, шалашъ, въ которомъ можно было спать двоимъ скаутамъ. Для того, чтобы расположить лагерь на вершинѣ небольшого круглага холма, скаутамъ пришлось понизить его почти на 1 метръ, значительно расширивъ такимъ образомъ верхнюю площадку, устроить лѣстницу по склону холма, укрѣпивъ ее деревянными кольями и небольшими бревнами. Такимъ же образомъ было укрѣплено и основаніе мачты. Внутренность палатокъ была выложена толстымъ слоемъ сухого и мягкаго мха, на которомъ спать было не хуже, чѣмъ на кровати. Для игры въ волей-болль были врыты двѣ толстыя жерди, ме-

Самодѣльный шалашъ скаута.

жду которыми была протянута веревочная сѣтка.

Питаніе въ лагерѣ было вполне достаточнымъ, при цѣнѣ — 1 латъ въ день.

Въ лагерѣ приняло участіе въ среднемъ $\frac{3}{4}$ изъ числа всѣхъ скаутовъ каждаго изъ отрядовъ.

Русскіе волчата

также въ этомъ году провели въ лагерѣ 4 дня въ первыхъ числахъ юнія. Этотъ первый опытъ выѣзда въ лагеръ на болѣе продолжительный срокъ съ мальчиками въ возрастѣ отъ 8 — 12 лѣтъ закончился блестяще. Волчата за сравнительно короткое время успѣли значительно поправиться и возвратились

домой здоровыми, веселыми и загорѣлыми.

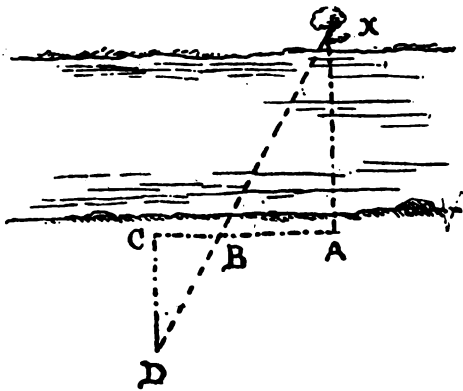
Мѣсто для лагеря было выбрано тамъ же, гдѣ позже устроился 5 отрядъ скаутовъ, — въ Булленгофѣ, на высокихъ дюнахъ, защищенныхъ отъ вѣтра густымъ лѣсомъ. Въ послѣдній день лагеря посѣтили также родители волчатъ, съ которыми тѣ и вернулись домой.

Приемъ новичковъ.

Въ связи съ открытіемъ въ 5 отрядѣ скаутовъ новыхъ звеньевъ, производится приемъ новичковъ въ Ригѣ, по Матѣевской ул. 37/39, въ 7 час. веч. по субботамъ, или на квартирѣ мл. скаутм. В. Приселкова, по Выгонной дамбѣ (II), № 3, кв. 7, отъ 3 до 4 ч. дня.

Измѣреніе ширины рѣки безъ инструментовъ.

Избравъ на противоположномъ берегу какое-нибудь дерево или скалу, скаутъ

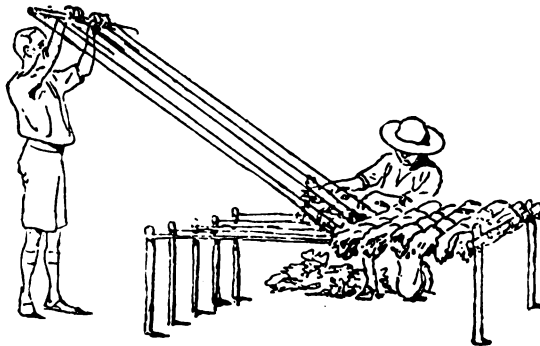

становится противъ него и идетъ вдоль берега подъ прямымъ угломъ къ линіи AX; отсчитавъ 60 шаговъ, онъ втыкаетъ въ землю свою палку въ точкѣ В и дѣлаетъ далѣе еще 30 шаговъ. Здѣсь онъ поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ и идетъ по направленію CD до такой точки Д, изъ которой палка, оставленная въ В, кажется проектирующей на дерево X. Удвоенная длина CD и есть искомая ширина рѣки. Точно такимъ-же образомъ можно опредѣлить разстояніе до всякаго недоступнаго предмета, ширину острова на рѣкѣ или озерѣ и т. п.

Тканье матраца.

Умѣнье устраивать среди лѣса ткацкій станокъ и работать на немъ необходимо для всякаго скаута. Конструкція этого самодѣльнаго станка видна изъ чертежа. Материаломъ для тканья слу-

жатъ папоротниковые листья, солома, гибкіе побѣги и пр. Вытканная такимъ путемъ цыновки, маты, матрацы и т. п., могутъ очень пригодиться скаутамъ въ ихъ лагерной жизни.

Отдѣлъ обмена.

Отъ редакціи: Даемъ совѣтъ всѣмъ коллекціонерамъ, вступая въ обменъ, аккуратно вести переписку, сохраняя у себя также копии своихъ предложеній и просьбъ. Во избѣжаніе нареканій со стороны корреспондентовъ, важно указывать свою оцѣнку марокъ, причемъ, конечно, лучше всего придержи- ваться цѣны одного изъ распростра- ненныхъ каталоговъ (Михеля или Иве- ра). Рекомендуемъ также не затѣвать переписки сразу со многими коллекці- онерами, т. к. это можетъ потребовать слишкомъ много времени и обменнаго матеріала. Обращаясь къ кому-нибудь съ предложеніемъ обмена, лучше мар- окъ сразу не посылать, а сообщить, какихъ именно марокъ данной страны не хватаетъ, и какія именно марки мо- гутъ быть даны въ обменъ. Такіе списки коллекціонерами называются «манко»-листы. Важно вести обменъ съ коллекціонерами приблизительно одной категоріи, въ смыслѣ количества и качества марокъ.

Н. Клечиковъ, Латвія, станція Крейцбургъ (Krustpils) домъ № 17; проситъ желающихъ обмѣняться съ нимъ марками Болгаріи, Югославіи, Австріи и Эстоніи. Имѣетъ для обмѣна старія и новыя русскія и латвійскія.

Вика Карповъ, Латвія, Двинскъ, Старообрядческая ул. № 15, желаетъ мѣ- няться русскими, польскими, нѣмецкими и латвійскими марками. Въ обменъ хо- тѣлъ бы получить марки: сербскія, швед- скія, норвежскія, португальскія и люк- сембургскія, а также чехо-словацкія и Юго-Славію.

В. Семеновъ жалуется на неполу- ченіе съ 18 мая отвѣта изъ Харбина отъ М. В. К. Для свѣдѣнія его и другихъ нашихъ читателей, сообщаемъ, что че- резъ Советскую Россію можно посылать только заказныя письма, при чемъ надо дѣлать надпись: «Via Siberia», въ про- тивномъ случаѣ письма въ Китай идутъ черезъ Суэцъ, и въ такомъ случаѣ отвѣтъ можетъ поступить только черезъ 10—12 недѣль.

Т. Раевская, Сербія, Београдъ, Шуматовачка ул., бр. 16, проситъ жела- ющихъ обмѣняться марками, прислать ей марки своей страны, или какія имѣют- ся. Въ обменъ можетъ выслать серб- скія, Юго-Славію, Болгарію и Германію.

А. Мечковскому.

Въ видѣ исключенія, мы переслали въ Болгарію присланныя Вами марки, но впредь просимъ Васъ непосред- ственно сноситься съ коллекціонера- ми, съ которыми Вы вступаете въ об- мѣнъ.

Нашего рижскаго читателя, приславшаго 30 разныхъ марокъ для об- мѣна и не сообщившаго ни своего имени, ни адреса, просимъ зайти въ пріемный день (по четвергамъ отъ 4—6).

Отдѣлъ информации. Всѣхъ читателей отдѣла «Юный Филателистъ» просимъ присылать редакціи сообщенія о выпускахъ новыхъ марокъ въ стра- нахъ, гдѣ они проживаютъ (кроме Лат- віи). За присланные экземпляры но- выхъ марокъ (нештемпелеванныхъ) бу- дутъ высланы въ обменъ марки другихъ странъ, или ихъ номинальная стоимость.

Конкурсъ филателиста.

Въ этомъ номерѣ журнала по- мѣщенъ талонъ № 2 конкурса «Юный Филателистъ». Условія конкурса сооб-

щены въ № 13 журнала «Юный Чита- тель».

Фотографъ-любитель

Многіе изъ нашихъ читателей занимаются фотографіей. Занятіе это не только интересное времяпровождение. Если подойти къ фотографіи серьезно, работать послѣдовательно, то фотографія можетъ принести большую пользу не только самому фотографу, но и другимъ.

Большинство фотографовъ-любителей работаютъ безъ всякаго плана: снимаютъ что попало и какъ попало. Щелкаютъ аппаратомъ направо и налево.

Отъ этого, кромѣ порчи фотографическихъ матеріаловъ и нѣсколькихъ случайныхъ удачныхъ снимковъ, ничего не получается.

Никакой пользы ни себѣ, ни другимъ, если не считать фабрикантовъ пластинокъ, у которыхъ бойко расходуется товаръ.

Между тѣмъ, поставивъ въ работѣ опредѣленную цѣль, можно, путемъ планомерности и совершенствованія, добиться выдающихся результатовъ.

Цѣнность фотоизображенія опредѣляется умѣніемъ подойти къ снимаемому, схватить соответствующій моментъ, освѣщеніе и т. д.

Отъ фотографа требуется чутье и художественная оцѣнка снимаемаго. Свѣтомъ можно писать чудныя картины, полныя художественнаго значенія. Нужно только съ любовью взяться за дѣло.

Снять — очень просто, но важно знать, какъ и что снимать. Въ этомъ — наука и искусство фотографа.

Изъ множества всякихъ снимковъ, сдѣланныхъ только для того, лишь бы снять, врядъ-ли найдется два-три удачныхъ, останавливающихъ вниманіе.

И если вы проверите себя, то убѣдитесь, что къ этимъ именно снимкамъ у васъ былъ нѣсколько иной подходъ, чѣмъ къ остальнымъ: было больше интереса,

больше внутренняго горѣнія. Вы не снимали безучастно, какъ дѣлали большинство своихъ снимковъ. Этотъ живой интересъ къ работѣ можно воспитать въ себѣ, если отнестись серьезно къ заданиямъ, работать по плану, имѣть руководящую нить.

Снять — просто, но что получится изъ этого снимка? Совсѣмъ неодинаковы приемы снимки, напримѣръ, животного и человѣка, рѣки и лѣса, развалины стараго замка и горнаго пейзажа, облаковъ и водопада.

Ко всему нуженъ свой подходъ, основанный на внимательномъ изученіи, какъ условій съемки, такъ и свойствъ снимаемаго. Приходится принимать въ

Снимокъ № 1.

Мытье посуды.

расчетъ и «характеръ» аппарата, и освѣщеніе, и положеніе снимаемаго предмета, и много другихъ привходящихъ положеній, учесть которыя возможно только практически, на работѣ.

Фотографъ — тотъ же художникъ, если онъ работаетъ съ полнымъ знаніемъ дѣла, и если въ немъ говорить художественное чувство, которое выражается, прежде всего, въ чувствѣ мѣры.

Для примѣра, иллюстрирующаго художественное чувство мѣры, приводимъ

недостатокъ указаннаго снимка, а пока предоставляемъ нашимъ читателямъ разобратся въ этомъ.

Открывая отдѣлъ «Фотографъ-любитель», редакция журнала «Юный Читатель» имѣетъ въ виду направить работу юныхъ любителей фотографіи на правильный путь и научить ихъ, вмѣсто безцѣльнаго щелканія аппаратомъ, вдумчиво относиться къ занятіямъ фотографіей.

Любитель фотографіи въ этомъ отдѣ-

Снимокъ № 2.

У шалаша.

двѣ фотографіи, печатавшіяся въ № 3 «Юного Читателя» и изображающія два момента изъ жизни бой-скаутовъ.

Оба снимка хороши, очень живы, удачно задуманы и выполнены, но одинъ изъ нихъ страдаетъ именно отсутствіемъ чувства мѣры. Фотографъ не обратилъ вниманія на одну мелочь и пожертвовалъ художественной цѣльностью ради сохраненія масштаба снимаемаго.

Въ слѣдующемъ номерѣ мы откроемъ

гдѣ найдетъ недостающіе ему совѣты, получить отвѣты на всѣ вопросы, возникающіе въ связи съ занятіемъ фотографіей.

Параллельно съ руководящими статьями и замѣтками, редакция «Фотографъ-любителя» открываетъ поощрительный конкурсъ работъ фотографовъ-любителей изъ среды читателей журнала «Юный Читатель».

И. Борисъ.

Большой конкурсъ „Фотографа-любителя“.

Для поощренія дѣятельности фотографовъ-любителей редакция журнала «Юный Читатель» открываетъ большой конкурсъ фотографическихъ работъ.

Условія конкурса.

Въ конкурсѣ могутъ принимать участіе всѣ читатели журнала.

Начиная съ этого номера, каждый экземпляръ журнала снабжается талонномъ, дающимъ право присылать матеріалъ для конкурса.

На каждомъ талонѣ указанъ срокъ отправки. Лица, желающія принять участіе въ конкурсѣ, направляютъ въ редакцію свои фотографическія работы, обязательно прилагая талонъ.

Фотографіи, по мѣрѣ поступления ихъ въ редакцію, будутъ помѣщаться на страницахъ журнала съ указаніемъ имени автора работъ.

За лучшія работы будутъ выданы цѣнные преміи:

- одна премія за снимки животныхъ и растений;
- одна премія за снимки историческихъ мѣстностей и памятниковъ старины;
- одна премія за снимки бытовыхъ сценъ;
- одна премія за снимки видовъ природы;
- одна премія за снимки типовъ народовъ, національныхъ костюмовъ и т. п. и
- одна премія трудолюбія — за наибольшее количество присланныхъ работъ.

Изъ лучшихъ работъ нашихъ фотографовъ-любителей, ко дню присужденія премій по конкурсу, будетъ устроена въ Ригѣ выставка. Выставляемые работы будутъ увеличены до размѣровъ картинъ.

Для работы по увеличенію фотографій потребуются негативы, которые и просимъ сохранять до окончанія конкурса.

Срокъ отправки перваго талона 5-го августа с. г. Работы адресовать:
Latvija. Rīgā, Valdemara ielā 63, редакція журн. „Юный Читатель“.

„Фотографъ“.

ОБО ВСЕМЪ ПОНЕМНОГУ.

Ныряльщики за монетами.

Письмо изъ Сингапура.

Къ борту нашего парохода подплываетъ въ примитивномъ, сколоченномъ изъ пары досокъ, челнокъ малаецъ. Весь его нарядъ состоитъ изъ узенькой набедренной повязки. Ловкими ударами весла худошавый, но мускулистый гребецъ удерживаетъ свою посудинку на разстояніи нѣсколькихъ саженей отъ нашего левиафана и улыбается, обнажая сверкающіе бѣлизной зубы.

— Что ему, собственно, нужно? Это не простой сингапурскій торгашъ. Въ челнокъ у него пусто.

— А! Это ныряльщикъ! Онъ ждетъ, чтобы ему бросили въ воду монетку.

Мы спѣшимъ осмотрѣть наши кошельки и извлекаемъ изъ нихъ на свѣтъ Божій накопившуюся тамъ за долгій рейсъ изъ Балтійскаго моря до Сингапура разнообразную мелочь. Тутъ и нѣмецкіе пфенниги изъ желѣза, латвійскіе, французскіе и бельгійскіе сантимы, и англійскіе пенни... Теперь развлеченіе намъ обезпечено.

Сперва бросается въ воду новенькій, сверкающій пенни, который ударяется о поверхность плашмя, какъ заправскій «блинчикъ», а затѣмъ начинаетъ медлен-

но зигзагообразно погружаться въ воду.

Малаецъ привстаетъ въ своемъ челнокѣ и съ размаху ныряетъ въ воду вслѣдъ за блестящей монетой. Съ быстротою, которой могла бы позавидовать рыба, онъ нагоняетъ пенни и подставляетъ подъ него пригоршни. Затѣмъ ныряльщикъ съ ловкостью форели выскакиваетъ изъ воды и торжествующе показываетъ намъ честно заработанную монету.

Опять мелькаетъ въ воздухѣ монетка, и представленіе возобновляется, но нашъ ныряльщикъ приходитъ въ ярость, когда у него въ рукѣ оказывается презрѣнный желѣзный пфеннигъ. — Онъ вѣдь не старьевщикъ, чтобы подбирать всякую дрянь!

Въ утѣшеніе ему бросаютъ серебряную монетку. Ярко блеснувъ на солнцѣ, она падаетъ въ воду и быстро начинается погружаться. Вслѣдъ за нею стремглавъ бросается малаецъ, поднимающій каскадъ брызгъ. Онъ погружается все глубже и глубже, и намъ все труднѣе услѣдить за его темнымъ силуэтомъ подъ водой. Но вотъ онъ совсѣмъ скрывается изъ глазъ.

Проходитъ нѣсколько секундъ, которыя намъ кажутся минутами. Пловца и

слѣдъ простылъ. Ужъ не случилось ли съ нимъ чего-нибудь? Но мы съ облегченіемъ вздыхаемъ, уловивъ подъ водою смутную тѣнь, которая по мѣрѣ приближенія къ поверхности пріобрѣтаетъ очертанія человѣка.

Наконецъ изъ воды показывается улыбающаяся физіономія нашего малайца. Въ рукѣ у него блеститъ серебряная монетка.

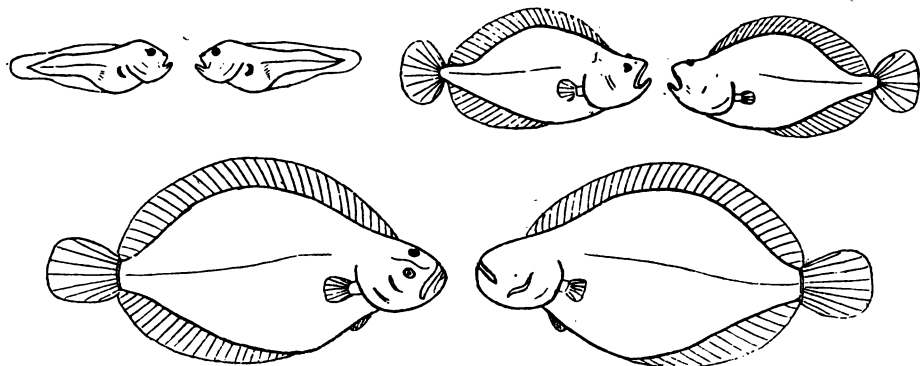
К. С.

Сингапуръ. Май 1926 г.

Камбала.

Каждому, конечно, хорошо извѣстенъ своеобразный видъ камбалы, украшающей латки торговко́въ рыбой на нашихъ рынкахъ. Прежде всего бросается въ глаза плоское, широкое тѣло этой рыбы, но болѣе близкій осмотръ обнаружитъ еще другіе ея признаки, ставящіе ее на особое мѣсто среди другихъ рыбъ. Такъ, стороны ея тѣла покрыты неодинаковой кожей: съ одной стороны она темная и толстая, съ другой — бѣловатая и тонкая. По сравненію съ другими рыбами

ронѣ тѣла, мы должны немного ознакомиться съ ея образомъ жизни. Камбала живетъ въ морѣ и всегда держится на днѣ или около него. Обыкновенно она ложится плашмя на дно, при чемъ она даже нѣсколько зарывается въ песокъ. Дѣлаетъ камбала это такимъ образомъ, что, подплывъ къ мѣсту, гдѣ собирается опуститься, она приводитъ свои плавники въ быстрое, волнообразное движеніе, подымая этимъ песокъ со дна. Затѣмъ она прижимается ко дну, а на нее

у камбалы плавники особенно широки и занимаютъ почти всю длину тѣла, исключая голову. Мы видимъ, что тѣло камбалы, въ противоположность другимъ рыбамъ, построено неодинаково съ обѣихъ сторонъ, что оно асимметрично.

Но эта асимметрия у камбалы не отъ рождения. На прилагаемомъ рисункѣ, наверху слѣва, изображена съ обѣихъ сторонъ молодая камбала, и видно ясно, что обѣ ея стороны совершенно одинаковы, симметричны. По мѣрѣ же роста, постепенно, шагъ за шагомъ, лѣвый глазъ начинаетъ перемѣщаться, пока не перейдетъ на правую сторону головы и одновременно кожа правой стороны грубѣетъ и темнѣетъ. На рисункѣ, наверху справа, показана переходная ступень передвиженія глаза, а внизу уже совершившееся перемѣщеніе на правый бокъ.

Чтобы понять, зачѣмъ камбалѣ нужно, чтобы оба глаза были на одной сто-

сидится взбудораженный песокъ, замаскировывая рыбу почти совершенно. Скрытая такимъ образомъ отъ взоровъ своихъ жертвъ, она подкидываетъ ихъ, съ тѣмъ, чтобы схватить въ удобный моментъ. Одновременно это зарываніе въ песокъ дѣлаетъ камбалу мало замѣтной и ея врагамъ.

Придонный образъ жизни заставилъ камбалу принять соответствующее положеніе тѣла, т. е. параллельное морскому дну, и для этого ей пришлось лечь разъ навсегда на-бокъ. Это привело къ нѣкоторымъ измѣненіямъ; уже упомянутымъ, именно перемѣщенію глазъ и слабому развитію кожи на нижней сторонѣ тѣла.

На что, на самомъ дѣлѣ, нуженъ былъ бы нашей рыбѣ глазъ, если бы онъ находился на нижней сторонѣ головы и былъ бы всегда обращенъ въ песокъ дна? Кожа должна быть крѣпкой на верхней сторонѣ, такъ какъ только оттуда могутъ

грозить опасности, и она должна быть темной, чтобы не выдавать присутствия камбалы.

Итакъ, камбала вовсе не простая,

обыкновенная рыба, а маленькое чудо, одно изъ многихъ чудесъ природы, мимо которыхъ мы ежедневно проходимъ, не замѣчая ихъ.

Величайшій памятникъ въ мірѣ.

Когда-то въ древности однимъ изъ чудесъ свѣта считалась статуя Колосса Родосскаго высотой въ 40 метровъ, стоявшая у входа въ гавань, при чемъ межъ ея ступнями могли проходить небольшія суда.

Въ наше время славится статуя свободы, подаренная Франціей около 40 лѣтъ тому назадъ Америкѣ въ память столѣтія ея независимости.

Статуя эта установлена на высокомъ пьедесталѣ на одномъ островкѣ у входа въ Нью-Йоркскую гавань и достигаетъ высоты въ 46 метровъ.

Однако эти сооруженія значительно превзойдетъ заканчиваемый въ Соед. Штатахъ Америки, въ штатѣ Георгіи, монументъ въ память арміи конфедератовъ, боровшейся за освобожденіе негровъ въ 1860—1863 г.

Строителямъ пришла удачная мысль привлечь на помощь природу.

Памятникъ представляетъ собою горельефъ (выпуклую скульптуру) сдѣланный на гигантскомъ, крутомъ, гладкомъ склонѣ гранитной горы.

Скульптура состоитъ изъ нѣсколькихъ конныхъ фигуръ предводителей арміи и виднѣющейся за ними колонны солдатъ.

Фигуры достигаютъ 40 метровъ въ высоту, и потому ихъ изготовленіе представляло немало трудностей.

Вотъ какъ велись эти работы.

Склонъ горы съ поверхностью около 3000 кв. метровъ былъ вечеромъ политъ свѣточувствительной жидкостью, на которой посредствомъ узкаго луча сильнымъ прожекторомъ художникъ прочертилъ контуры будущихъ фигуръ, послѣ чего эти контуры были, какъ въ фотографическомъ процессѣ, соответствующимъ образомъ закрѣплены другой жидкостью.

Затѣмъ на блокахъ на склонѣ горы были спущены скульпторы и мастера, которые при помощи пневматическихъ зубилъ начали выбивать на скалѣ намѣченныя художникомъ фигуры.

Главная трудность здѣсь заключалась въ согласованіи отдѣльныхъ частей горельефа такимъ образомъ, чтобы получилось законченное художественное произведеніе.

Всѣ работы стоили около 4 милл. долларовъ, но зато впечатлѣніе, оставляемое памятникомъ, незабываемо: за много верстъ надъ темной лѣсной порослью видны на сѣромъ фонѣ скалы гигантскія фигуры всадниковъ, кажущіяся висящими въ воздухѣ.

Несомнѣнно, какъ по мастерству, такъ и по оригинальности, это — одно изъ наиболѣе интересныхъ художественныхъ монументальныхъ произведеній во всемъ мірѣ.

Самая старая школа танцевъ.

Недавно одинъ японецъ, учитель танцевъ, помѣстилъ въ газетѣ объявленіе, что онъ устраиваетъ празднество, за входъ на которое его теперешніе и бывшіе ученики и ученицы платятъ полцѣны. Празднество онъ устроилъ по

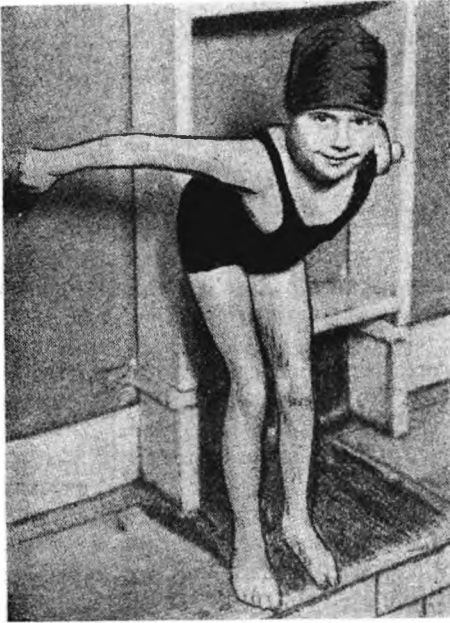
случаю 1.000 лѣтъ существованія своей школы танцевъ, которую основалъ его предокъ по прямой линіи. Въ продолженіе всего тысячелѣтія школа находилась въ рукахъ одной и той-же фамиліи.

Фабрика по окраскѣ животныхъ.

Въ Нью-Йоркѣ была обнаружена фабрика, занимавшаяся... окраской животныхъ. Перекрашивались въ другіе цвѣта, главнымъ образомъ, высокопородистыя животныя: лошади, собаки и ангорскія кошки. Бывали, однако, случаи,

что на фабрику доставлялись и дикіе звѣри, украденные изъ звѣринца. Если настоящій владѣлецъ потомъ обнаруживался, то мошенники, конечно, успѣвали замести всѣ слѣды.

Самый юный пловецъ въ мирѣ.

Доротея Уайръ изъ Чикаго, шести лѣтъ отроду, поразительно искусно плаваетъ и теперь уже подаетъ надежды стать современемъ чемпионкой міра въ плаваніи.

Загадочная картинка.

Гдѣ коварный индусъ, котораго сторожить часовой?

ЮМОРЪ.

Новый сарай.

Одинъ крестьянинъ построилъ себѣ новый сарай. Отправляясь какъ-то въ городъ, онъ попросилъ своихъ двухъ мальчугановъ прорѣзать въ стѣнкѣ сарая возлѣ самой двери дырку, чтобы кошка могла въ любое время войти туда и охотиться на крысѣ.

Парнишки исполнили его желаніе, но отецъ по возвращеніи изъ города остался ими очень недоволенъ:

— Ни о чемъ васъ попросить нельзя, бараньи вы головы! Вы же пропилили дырку не съ той стороны?

— Почему не съ той?

Крестьянинъ открылъ дверь сарая настежь, при чемъ она совершенно закрыла собою прорѣзанную дырку въ стѣнѣ.

— Полюбуйтесь, — сказалъ онъ, — вы сами видите, что кошка никакъ не

можетъ попасть въ сарай, когда дверь открыта!

Пріятное купаніе.

Англійскій школьный инспекторъ объѣзжалъ свой округъ въ Южной Африкѣ. Въ одинъ прекрасный день онъ заѣхалъ въ школу, расположенную на самомъ берегу рѣки, впадевшей тутъ-же, въ заливъ.

День былъ жаркій, и инспекторъ предложилъ мальчикамъ выкупаться вмѣстѣ съ нимъ и показать ему свое искусство плавать.

Инспекторъ быстро раздѣлся и ныр-

нулъ въ воду. Оглянувшись, онъ увидѣлся, что мальчики столпились на берегу и съ интересомъ слѣдятъ за нимъ.

— Не стѣсняйтесь, ребята, — крикнулъ инспекторъ, — слѣдуйте моему примѣру.

— Мы не стѣсняемся, господинъ инспекторъ, — наперебой отвѣтила дѣтвора: — но вчера въ заливѣ было много крокодиловъ.

Рѣшеніе задачъ.

№ 27. Крестъ-накрестъ.

Искомья слова.

Въ горизонтальномъ направленіи: 1) вечер, 3) брага, 7) Ирбит, 8) банк, 10) анна, 12) Огер, 13) лира, 17) Кант, 19) фата, 20) обвал, 21) пират, 22) стриж.

Въ вертикальномъ направленіи: 1) верба, 2) ежик, 4) рота, 5) алмаз, 6) обух, 9) наган, 11) норка, 14) склеп, 15) сова, 16) манеж., 18) тога, 19) флот.

Задача № 28. Лабиринтъ.

Чтобы попасть къ принцессѣ Мимозѣ, нужно пройти черезъ слѣдующіе номера: изъ входа, указаннаго стрѣлкой, въ № 14, изъ № 14 въ № 1, изъ № 1 въ № 2, изъ № 2 въ № 3, изъ № 3 въ № 5, изъ № 5 въ № 4, изъ № 4 въ № 8, изъ № 8 въ № 7 и изъ № 7 къ принцессѣ Мимозѣ.

Рѣшеніе задачи № 29. Выбитыя карточки.

1) Инспекторъ налогов. 2) Органист. 3) Кружевница. 4) Квартирантъ. 5) Проводникъ вагонов. 6) Аквизиторша. 7) Наш читатель. 8) Привратник. 9) Прима-балерина. 10) Начальникъ телеграфа.

Результаты конкурса.

Изъ 135 участниковъ конкурса правильныя рѣшенія всѣхъ задачъ прислали только:

Бергманисъ Андрей, Гельманъ, М., Терентьевъ Яковъ, Мурзилка, Петеръ и Пингъ, Богорадъ Давидъ.

Кромѣ нихъ, требуемаго числа очковъ (20) достигли благодаря привлеченію новыхъ подписчиковъ:

Эткинъ Александръ, Шполянскій Ростиславъ, Сазоновъ Левъ, Истоминъ Борисъ.

Каждому изъ означенныхъ подписчиковъ высланъ въ качествѣ преміи художественно-литературный сборникъ «РОДИНА» съ 60 иллюстраціями и четырьмя цвѣтными репродукціями съ картинъ Н. П. Богданова-Бѣльскаго В. М. Васнецова, И. И. Левитана и В. Е. Маковского.

По 15 очковъ получили слѣдующія лица:

Элертъ Георгій, Колесниковъ Евтихій, Розенбергъ Илья, Эллиноръ Д., Цукерманъ Веня, Андабургскій Борисъ, Соловьевъ Сергѣй, Скольникъ Марія, Никаноровъ Анатолій, Кеппенъ Михайлъ.

Между ними была разыграна утѣшительная премія: игра «Географическое лото», доставшаяся Евтихію Колесникову, Якобштадтъ, Новая ул. № 15.

Повидимому, наиболѣе трудной оказалась задача № 29. Такъ ли это?

КОНКУРСЪ „ЮНАГО ФИЛАТЕЛИСТА“

Талонъ № 2.

Имя и фамилія

Адресъ

Мною собрано штукъ.

Талонъ вырѣзать, заполнить и послать редакціи вмѣстѣ съ остальными талонами этого конкурса не позже 15 сентября с. г. въ конвертѣ съ надписью „Конкурсъ Филателиста“.

Издательство „САЛАМАНДРА“

Продолжается подписка на 2-е полуг. 1926 г.

на журналъ

для семьи и юношества

Юный Читатель

12 богато иллюстрированных книжекъ журнала, бесплатное приложение: романъ Л. Кормчаго „Сърый домикъ“ съ иллюстраціями художника Г. Дайбера и множество премій по конкурсамъ.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: 6 лать (300 руб.).
Заграницей 1 дол. 75 центовъ.

Адресъ редакціи и конторы: РИГА, Вальдемарская улица № 63.
Тек. счетъ на почтѣ 917.

Первый талонъ большого конкурса „ФОТОГРАФА-ЛЮБИТЕЛЯ“.

Имя и фамилія

Адресъ

Количество снимковъ

На оборотѣ фотографіи должно быть указано, что снято, гдѣ и когда.

Безъ приложенія талона фотографіи считаются присланными
внѣ конкурса.

Изд. „САЛАМАНДРА“ „ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ“

журналъ для семьи и юношества, выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ книжками не менѣе сорока страницъ. * Много иллюстрацій.

24

НОМЕРА
СЪ ПРИЛО-
ЖЕНЬЯМИ И
ПРЕМИЕЙ ПО
КОНКУРСУ.

Повѣсти, рассказы, популярныя научныя статьи, новости науки и техники, спортъ, уголокъ бой-скаута, юный филателистъ. * Конкурсъ (5000 рублей). * Особое приложение: „Сѣрый домикъ“ съ иллюстраціями художника Г. Дайбера.

Подписная плата за годъ въ Латвіи 10 латъ (500 руб.), 1/2 года 5 латъ (250 руб.) съ доставкой и перес. За границу — 3 доллара.

Редакція: Рига, улица Вальдемары № 63, телефонъ 36-12
Текущій счетъ на почтъ № 917.

АКЦ. ОБ-ВО ПЕЧАТН. ДѢЛА „САЛАМАНДРА“

Литературно-художественный журналъ

„ПЕРЕЗВОНЫ“

выходитъ 1—2 раза въ мѣсяцъ при участіи лучшихъ русскихъ писателей и художниковъ

Редакторъ литер. отдѣла — Б. К. Зайцевъ

Обложка — работы М. Добужинскаго

Въ каждомъ ном. 4 цвѣтныхъ репродукцій, много иллюстр. въ текстѣ

Цѣна номера, начиная съ № 14, — въ Латвіи 50 руб., заграницей 25 цент., въ Америкѣ — 30 ам. цент.

Комплектъ 1925 г. №№ 1—8:

Въ Латвіи Въ Литвѣ Въ Эстїи Заграницей
6 латовъ 15 литовъ 500 эст. мар. 1 д. 50 цент. ам.

Комплектъ за 1-ое полугодіе 1926 г. №№ 9—21:

Въ Латвіи Въ Литвѣ Въ Эстїи Заграницей
12 латовъ 30 литовъ 1000 эст. мар. 3 ам. дол.

Плата можетъ быть внесена во всѣхъ почтовыхъ конторахъ на нашъ почт. тек. счетъ № 916 —
Riga, Post-Schek-Conto № 916

Подписчики, желающіе получить журналъ заказной бандеролью приплачиваютъ 5 ам. центовъ за № (въ Латвіи 25 сант.)

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ:

Rigā (Lettonie), L. Kalēju ielā 43, тел. 20-76.

Только пользуясь фотографическ. принадлежностями, купленными въ

„ОКО“

можно достигнуть побѣды на предстоящемъ конкурсѣ фотографовъ.

ОКО — торговля оптическими и фото-графическими принадлежностями.

Р и г а, бульваръ Аспазіи 8.

Фотографическіе аппараты отъ Ls. 7.50

Тебя, мой юный читатель, привѣтствую! Увлекайся радіо, но знай, что единственный магазинъ въ Ригѣ, который продаетъ аппараты радіо, его части, а также и дѣлаетъ установку радіо **въ разсрочку**, это —

А. ГАУПТЪ,

Известковая 1, телеф. 20134.

Фото-магазинъ

Д. БОЯРСКІЙ-ШЛЕЙФЕРЪ.

Всевозможныя фото- и кино-принадлежности и аппараты.

Рига, Крѣпостная 18, тел. 20083.

Побѣда

на конкурсѣ фотографовъ-любителей

возможна лишь при пользованіи наилучшими фото-принадлежностями.

Все наилучшее найдете въ специальномъ магазинѣ фото-принадлежностей

А. Лейбовича

ул. Кр. Барона (Суворовская) 2, тел. 20661.

ФОТО-РАДИО.

Цѣна 60 сант. (30 латв. руб.). Загран. 15 амер. центовъ.